П 2.3
2296

Освобождение трудящихся
есть дело самих трудящихся!

ВОЛЬНЫЙ ТРУД

Орган Питерской Федерации Анархо-Синдикалистских групп.

№ 7—8. Октябрь 1919 г. Цена 15 руб.

П 2
229
980

Вениамин Тэкер.

Содержание.

Стр.

К творцам жизни. ОН. 1

Народ. (Эскиз). Nihil 12

Революция безусловно анархична. АНархисТ—ОН. 13

Анархист. (Стих.). Слесарь В. Волков. 15

Об анархизме. (Прод.). Б. С. 16

Мятежник. (Стих.). Петр Скурихин. 34

„За советскую власть“. А. Дмитревский. 35

Власть и „советские“ служащие. Энкао. 37

О совести и сознании. Н. Дружинин. 40

Бунтарь. (Стих.). ОН. 42

На Украине. П. Руденко. 43

Зов черному знамени. (Стих.). Мартовская. 53

Хроника. Г. М. 54

Об'явления. . . . .

Типография „ПЕЧАТЬ“, Петербург, Броницкая ул. № 15.

К творцам жизни.

(К революционной молодежи.)

Все, кто молод духом. Кто не мирится с насилием и несправедливостью. Кто стремится к действительной свободе и счастью человечества.

К вам обращаемся мы — вестники свободы. К вам, кто не скован привычками и предрассудками умирающего общества. Чей дух еще не искалечен им. Чьи стремления бескорыстны. В ком несправедливость и насилие вызывают чувство возмущения. Кто стремится стать Человеком.

К вам, кто страдает вместе с угнетенными. Кто желает помочь им в деле их освобождения. Помочь как друг, как брат, не насилуя волю трудящихся, не гоня их палкой хотя бы даже социалистической власти в царство свободы.

Мы обращаемся к тем, кто хочет быть вместе с народом творцом новой жизни. Мы обращаемся к молодежи революции.

К тем, кто хочет идти до конца. Кто не мирится с теми полузавоеваниями, на которых остановились отцы.

Мы обращаемся к тем кому принадлежит будущее.

К строителям новой жизни.

1. Кто мы.

Мы — анархисты.

Мы сторонники полной свободы человеческой личности. Мы те, кто отрицает власть, какова бы она не была, каким бы именем она не прикрывалась. Кто стремится ее уничтожить. Мы те, кто хочет разрушить

самого сильного угнетателя — государство, со всеми его аттрибутами: законами, судом, жандармерией, тюрьмами и чиновническо бюрократическим аппаратом. Мы те, кто зовет трудящихся вырвать из рук захватчиков созданные всем обществом блага и взять их в распоряжение всех. Те, кто хочет осуществить свободу в жизни. Кто уважает личность человека и призывает ее к освобождению от всех сковывающих ее пут.

Мы те, кто проповедует разрушение общества неравных, неумолимую борьбу с его институтами, учреждениями и условиями и зовет к творчеству свободного безвластного общества равных людей, спаянных в тесную семью, присущим им чувством солидарности и единой общей целью — довольством и свободой.

Мы те, кто зовет к борьбе до конца, до уничтожения власти, государства и собственности. Ибо свобода может осуществиться только в безвластии. Ибо довольство может наступить только по уничтожении собственности и эксплоатации.

Цель наших стремлений — довольство и свобода всего человечества, это цель стремлений всех трудящихся, всех революционеров.

Но в то время как все без исключения политические партии, за которыми, к сожалению, следовало пока большинство масс, думают достигнуть этой цели захватом власти, диктатурой, мы, считая этот путь ложным и будучи убеждены, что свобода и довольство могут быть воплощены в жизнь лишь безвластным творчеством масс, зовем массы идти к цели прямым путем, путем непосредственного и немедленного революционного строительства, без всяких «переходных моментов» путем захвата самими трудящимися реальных благ ведущим к довольству, уничтожением всех институтов насилия и произвола создающим свободу. Пусть этот путь тяжел, но он верен и приведет к цели.

Мы верим в творческую силу масс и зовем их к об'единению. К созданию той мощной силы, которая была бы способна смести с лица земли все старые устои жизни и создать новое свободное общество.

Но мы зовем к об'единению не в политические партии, вносящие рознь в единую семью трудящихся, а в свободный безвластный союз, члены которого спаяны единой целью своих стремлений.

Своими анархическими группами мы даем пример свободной организации. В них нет никакой власти. В них все равны. Нас связывает воедино наша общая цель и связывает сильнее чем партийная дисциплина, чем торжественное обещание.

У нас нет ни программы — минимум, ни программы — максимум, той программы в которой каждая политическая партия излагает по пунктам свои обещания массам, если они помогут ей захватить власть.

Мы ничего не обещаем.

И не можем обещать.

Мы знаем нашу цель, цель вековых стремлений всех трудящихся и знаем верный путь к ней. И мы зовем трудящихся самих идти к этой цели, идти прямым путем. Мы зовем их самих взять свое довольство и свободу, зная что никакая власть никогда их не даст.

И всегда готовы помочь в этом — советом, делом и примером.

Нас мало. Но велика наша идея. Она вывод жизни, вывод истории страданий человечества, написанный кровью борцов за освобождение трудящихся.

Мы те, кто всегда будет идти вместе с угнетенными в их революционном творчестве и никогда не будет властвовать над ними.

Мы — анархисты.

Наш руководитель — сама жизнь.

2. Почему мы говорим.

Мировая война всколыхнула все человечество. Терпение угнетенных истощилось и они восстали. Но к несчастью они пошли старым путем, путем кончавшихся неудачами прежних революций, не прямо к цели, а дорогами государственного строительства, и поэтому зашли в тупик не достигнув цели.

Более двух лет прошло, как русский пролетариат сбросил самодержавное иго.

Но до сих пор он страдает. До сих пор он не свободен.

Захватившая власть, при помощи масс, партия большевиков не сдержала октябрских обещаний. И не могли сдержать. Ставши властью, она из борца за освобождение трудящихся превратилась в их угнетателя, из революционера, в контр-революционера.

Ставши властью, она решила превратить в жизнь свои теории насильственным путем, не считаясь с тем хотят этого массы или нет и притом воплотить не сразу, а через „переходный момент“.

Ставши властью, она нисколько не изменила сущности самодержавно-капиталистического строя, она лишь перекрасила его в социалистический цвет, наклеила новые ярлыки на старые учреждения.

Самодержавие заменено комиссародержавием.

Эксплоататор — Капиталист еще более мощным Эксплоататором— Государством.

Вместо разрушенной торговли и организации свободного товаро-

обмена процветает, как никогда, поддерживаемая агентами власти, спекуляция.

Вместо жандармерии действуют чрезвычайки.

Вместо свободы царят произвол и самое грубое насилие. Полны тюрьмы. Постоянно производятся расстрелы. Усмиряют недовольство крестьян пулеметы.

Вместо равенства трудящихся, — прожиточный минимум для рабочих и большие оклады для покупаемых властью специалистов.

Увеличены до колоссальных размеров формальности и вместе с ними бюрократический аппарат паразитов — чиновников.

Как и во время самодержавия царит полное недоверие к самодеятельности масс, существует тоже деление их на „благонадежных“ — наклеивших ярлык коммуниста и „неблагонадежных“ — всю остальную массу.

Именем коммуниста прикрываются всякие безобразия.

Слова бессильны изобразить тот позор, к которому привела революцию власть большевиков.

Угнетенные страдают по-прежнему. По-прежнему плодами их трудов пользуются паразиты.

Власть обещала народу хлеб, мир и свободу. Но мир наступит только тогда, когда будут уничтожены все враги человечества, когда оно сольется в одну братскую семью. До этого момента угнетенные должны быть всегда готовы к борьбе.

Хлеб и довольство создадутся лишь всеобщим трудом и справедливым распределением благ, — уничтожением института собственности, а не декретами, не перекладыванием собственности из кармана в карман (хотя бы даже и государственный), не насилиями над крестьянами.

Свобода же возможна только при безвластии. Она с властью несовместима.

Помогая партии большевиков захватить власть якобы „в руки народа“, народ думал достигнуть совсем не того, что дала ему власть. Создавая советы народ хотел создать себе помощников в деле строительства новой жизни, а не органы власти стоящие над ними и приказывающие ему.

Рабочий, отнимая фабрики и заводы у капиталистов, стремился уничтожить эксплоатацию и тем достигнуть довольства, но не создать новую форму эксплоатации.

Крестьянин, захватывая землю у помещиков, думал освободить себя от вечной нужды, надеясь получить продукты своего труда, ранее поступавшие в пользу собственника земли.

Народ вовсе не хотел превратиться в батраков власти.

Он ошибся... увидел это и начал сначала выражать свое недовольство властью, а затем и открыто восставать против нее. Начались забастовки на фабриках и заводах. Начались восстания крестьян, у которых власть насильственно отнимала хлеб, восстания усмиряемые властью с жестокостью которой могли позавидовать палачи самодержавия.

Террор власти еще более оттолкнул от нее массы. Это сейчас-же было учтено всеми стремящимися к власти партиями и врагами народа. Раздались призывы к неиспытанной народом учредилке, стала раздуваться национальная рознь.

Народ, разочаровавшийся в спасительной силе большевистской власти, народ, который еще не получил от революции почти никаких реальных благ, над которым так-же издевается бесчисленная тьма коммунистических комиссаров, как раньше издевалась тьма приставов и урядников, начал прислушиваться ко всему тому, что шло против существующей власти, иногда даже из'являя готовность пойти назад за разного рода политическими авантюристами.

Революция оказалась в опасности. Не завоевав для народа почти ничего, она может погибнуть от руки, доведенного властью до отчаяния, самого-же народа. Ибо возврат к учредилке это новые цепи для недавно разорвавшего, но еще не освободившегося от них народа.

Это смерть революции и могила свободы.

Борьба среди народа на почве национальной розни, погромы—это конец революции и начало черной реакции.

Революция в опасности.

Венгрия стоит пред нами живым примером,

И поэтому мы анархисты не можем молчать.

Теперь, как никогда, должен мощно звучать наш голос.

Жизнь показала полную несостоятельность всех политических партий. Революция превратила в ничто партию эс-эров. Захват власти партией большевиков показал народу, что даже самая крайняя партия, ставши властью, становится его врагом.

Жизнь показала пустоту партийных программ, зло надсмеявшись над широковещательными пунктами программы большевиков.

Народ надеялся на партии. Он верил вождям. Но партии обанкротились. Вожди не оправдали доверия.

И там, где народ уразумел эти уроки жизни, он понял, что тщетны его надежды на кого-бы то ни было, что никакая власть ему не даст свободы и довольства; он понял это и начал действовать самостоятельно, надеяться только на свои собственные силы.

Жизнь привела его на правильный прямой путь революции—сделала его анархистом.

Поэтому, теперь, мы, не стремящиеся к власти над народом, должны помочь ему в его творчестве, поэтому мы должны указать путь тем, кто будучи заведен властью в тупик революции и отчаявшись в ней начал смотреть назад. Во имя спасения революции, во имя блага человечества должен везде нестись наш призыв:

„Трудящиеся! Будьте бодры. Партии оказались бессильны. Социалистическая власть вас обманула. Ваши вожди стали вашими властителями.

Но у вас осталось то, что никто от вас не отнимет—*вера в свои собственные силы*.

Не унывайте-же!

Смотрите смело вперед.

Вы испытали все виды власти. Шли за вождями и партиями.

Попробуйте итти сами, без вождей.

Устроить свою жизнь без власти.

Терять вам нечего кроме цепей.

Впереди-же вас ждет довольство и свобода.

Но помните при этом, что сила в единении. Что не столь страшны люди, сколь создаваемые ими цепи—условия, учреждения, законы.

Знайте, что ваши враги—власть и собственность, насилие и эксплоатация.

Пусть-же они погибнут.

Свобода—в безвластии!“

„Прав не дают—их берут“ сказал П. А. Крапоткин. Русский пролетариат взял их, но не удержал и отдал социалистической власти. Вырвите же их снова у власти и не отдавайте никому!

3. Как достигнуть свободы и довольства.

Чтобы достигнуть свободы и довольства, трудящимся прежде всего необходимо отказаться от веры в партии и вождей, ведущей лишь к розни среди тесных рядов трудящихся.

Надеяться только на свои собственные силы и смело идти вперед и вперед по пути революции неумолимо разрушать все основы старого общества, уничтожая корни зла—власть и собственность и в то же время создавая свободно без насилия новые вольные формы жизни, об‘единяя всех в единую семью трудящихся.

Достигнуть свободы и довольства, осуществить их в жизни, на деле а не на бумаге или в декрете можно только через безвластие, только творчеством масс. Жизнь показала что даже социалистическая власть не

могла этого сделать. Кто-же кроме самих нас может это сделать? Только мы сами или никто.

Но чтобы смочь разрушить все препятствия, а главное суметь защитить свободу от нападений врагов, нужно иметь силу.

Сила—в единении всех трудящихся, в их организованности.

Единство трудящихся разбили партии. Нужно отбросить их и об‘единиться в стремлении к одной общей для всех цели, отказаться от кривых дорог государственности и идти к цели одной прямой дорогой.

Начавшееся естественное об‘единение масс, создание ими своих организаций снизу и их свободное слияние в союзы, разбито укрепившейся социалистической властью, создавшей вместо этих организаций насильственным путем, давлением сверху, непользующиеся доверием масс, свои властные организации.

Нужно стремиться восстановить свои свободные рабочие организации, но строить их на анархических началах, добровольно, снизу вверх, без законов и декретов, путем свободного соглашения, организуясь по фабрикам, заводам, хозяйствам, об‘единяясь по производствам, городам, областям и наконец сливаясь в единый союз всех трудящихся. Но при этом не давать власти никому—никаким Комитетам, никаким вождям.

Только вольные организации трудящихся могут двинуть революцию вперед, только они могут дать ту армию борцов, которая может предупредить реакцию. Лишь они в состоянии разрушить те препятствия для свободного шествия революции, которые не разрушает, а укрепляет власть: насилие, осуществляемое властью при помощи законов-декретов, армии, судов, чрезвычаек, тюрем, комиссаров, и чиновников, институт собственности, питающий паразитов и деньги—эту кровь царя капитала, его душу, соблазняющие даже большевиков, ведущие к спекуляции, подкупам и несправедливостям. Лишь сила масс способна разрушить классы и превратить всех людей в трудящихся, создать равенство.

Чтобы революция восторжествовала, она должна вырвать все корни зла, уничтожить первопричины неравенства.

Власть даже социалистическая этого сделать не может, ибо тем самым она уничтожит и себя. Она без насилия и неравенства существовать не может. К разрушению зла способны только те, кто страдает от него—сам народ, массы.

И поэтому призывая массы к освобождению, призывая их к новой революции, мы прежде всего зовем их к уничтожению власти, к разрушению всего старого уклада жизни, к уничтожению корней зла, к полному освобождению личности человека.

Но зная, что человек в довольстве без общества жить не может, мы

в то же время зовем их к творчеству, которое должно идти вместе с разрушением.

Жизнь не остановится. Поэтому трудящиеся, уничтожая все те властные учреждения и органы, которые регулировали жизнь, должны сами создать новые свободные органы. Они должны прежде всего организовать самозащиту, вооружить всех трудящихся, организовав охрану границ, фабрик, заводов, складов и домов. Эта защита будет действительнее чем созданная насилием Красная Армия. Немедленно уничтожить классы и паразитизм, уничтожив собственность, признав, что все принадлежит всем и все им распоряжаются, признав, что право на довольство имеют только те, кто трудится или совершенно неспособен к труду.

Организовать справедливое распределение благ по трудовым предприятиям, установив взаимный контроль.

Наладить производство. Немедленно установить соглашение и связь с деревней и наладить товарообмен. Самим заняться добыванием продуктов сельского хозяйства. Ни на минуту не останавливать работы в общеполезных и необходимых предприятиях, как то: на водопроводных и электрических станциях, хлебопекарнях, столовых, больницах, железных дорогах и т. п.

Уничтожить окончательно деньги.

Уважать труд. С уважением относится к личности человека.

Предложить всем паразитствующим элементам изобрать себе какой-либо общеполезный труд или удалиться из свободной коммуны.

Признать за каждым человеком, если он будет трудиться, равное со всеми право на довольство.

Руководствоваться принципом: „от каждого по его способностям, каждому по его потребностям“.

Помнить, что довольство при свободе создает только всеообщий труд.

Трудиться и пробуждать к работе товарищей.

Бороться с ленью и тунеядством.

Быть свободным всегда и везде.

В корне уничтожать всякие попытки к организации власти.

Стать практиками, организующими хозяйство в интересах всех и каждого, а не политиками борющимися друг с другом.

Уничтожить все ненужные формальности.

Творить живую жизнь.

Пусть будут ошибки. Но никто, никакой комиссар, никакой декрет не будут мешать исправлять их. Никто, никакая власть, никакой ярлык, даже ярлык анархиста не защитит тогда от справедливого гнева общества человека нечестного.

Нечестность защищают законы.

Пусть же они погибнут.

Единственный путь революции—безвластное творчество.

Это наше мнение, наше предположение, наши советы.

Мы знаем, что сейчас массы не пойдут по этому пути.

Перед лицом внешнего врага, когда нашей самостоятельности грозит опасность, они идут против этого врага и пока по необходимости защищают и своего внутреннего врага—власть.

Момент требует этого.

Но мы верим, что справившись с внешней опасностью, они обратят свое оружие против всех тех, кто мешает их свободе, кто препятствует развитию революции.

Поэтому, зовя массы к анархии, мы не стремимся отвлечь их от борьбы с силами всемирного капитала, старающагося задушить зародыш революции.

Мы призываем трудящихся к готовности, к созданию своих вольных организаций, той мощной и свободной силы, которая, быть может даже безболезненно, приведет нас к Анархии и во всяком случае спасет революцию.

Сила только вы трудящиеся.

Не дайте же никому возможности разбить ее.

Приближается час вашего освобождения.

Грядет Анархия!

4. Почему мы обращаемся преимущественно к молодежи.

Молодежь всегда была революционна, всегда шла в авангарде революции. Она всегда стремилась к полной свободе. Порабощенные предразсудками общества—преклонением пред авторитетами, вождями и властителями,—отцы не могли действовать смело и решительно, не были способны идти до конца, произвести коренную ломку всего уклада жизни. Их всегда толкали вперед и увлекали дети, молодежь.

И теперь, когда мы находимся в тупике революции, когда ей грозит гибель, дать ей толчек вперед могут только те, кто беззаветно стремится к свободе—молодежь и те кто до седин сохранил в себе молодые порывы—кто молод духом.

Жизнь направляет революцию на путь анархии.

Поэтому нужна широкая пропаганда наших идей.

Молодежь же по существу своему анархична.

У ней есть та смелость и дерзость, которой нет у отцов, она решительна и непримирима по отношению к произволу и насилию. У ней много энергии. Она свободна от предразсудков, менее пропитана духом старого капиталистического общества и поэтому более способна к свободному творчеству, чем отцы.

Она может спасти революцию, влить новые силы в утомленные безрезультатной борьбой ряды трудящихся, дать им веру в себя.

Поэтому мы обращаемся к ней.

Поэтому мы зовем молодежь к творческой работе

Мы зовем ее к пропаганде идей анархизма словом, делом и личным примером.

Мы зовем ее к созданию безвластных союзов молодежи.

Мы зовем ее к революционной работе.

Массы малокультурны, утомлены борьбой.

Помогите им светом знания.

Учитесь и учите.

Раскройте глаза трудящихся, укажите им настоящих врагов их свободы и довольства.

Революция окружена ими. Сильны враги внешние, но еще более страшны враги внутренние, ибо они часто невидимы и неуловимы.

Укажите массам, что самые опасные их враги те, кто препятствует развитию революции — власть, отливающая вечно движущуюся жизнь в мертвые формы декретов, ее бюрократизм и формализм, ее противоречащая коммунизму денежная система, способствующая взяточничеству и спекуляции, поддерживающая неравенство и тунеядство, власть со всеми ее аттрибутами насилия и произвола, воспитывающая в массах дух рабства, дух преклонения пред вождями, партии сеющие рознь между трудящимися и собственность в какой бы форме она не была, препятствующая воплощению в жизнь идей коммунизма, эксплотатирующая трудящихся.

Трудящиеся возмущены произволом, но борясь с ним они борются с людьми, с властителями, а не с системой, не с тем что порождает произвол — властью человека над человеком.

Они стремятся уничтожить неравенство, но не уничтожают причин его — власть, ставящую человека облеченного ею выше других и собственность дающую в распоряжение властителей все блага.

Откройте глаза массам.

Помогите их об‘единению.

Помогите созданию мощной революционной силы трудящихся, способной завоевать свободу и защитить ее от врагов внешних и внутренних.

Власть знает вашу силу — силу молодости.

И она хочет использовать эту силу в своих целях — укрепления власти.

Она организует союзы молодежи.

Организуйтесь.

Но будьте свободными.

Организуйте свои безвластные союзы. Превращайте созданные властью ваши союзы в анархические союзы молодежи.

Открыто и прямо идите к свободе.

Стойте дружно все за одного и один за всех.

Вы тогда будете силой и ваш пример заразит и отцов.

Творите дело освобождения.

Будьте революционерами, будьте непримиримыми.

Будьте неумолимы к условиям, но относитесь к людям по человечески.

Помните завет неутомимого борца за счастье человечества М. А. Бакунина, который говорил, что люди вправе без опасности для революции, относиться к людям по-человечески, что массовые человеческие избиения неизбежно влекут за собой реакцию.

Молодежь! Мы зовем вас в упорной борьбе.

Мы зовем вас к творчеству.

Мир потонул в море крови.

Земля полна страданий.

Напрягите же свои силы.

И тогда на земле воцарится мир.

На ней будет жить не раб, а свободный Человек.

Он.

Народ.

эскиз

— Он шел многоликий, странный и наивный в своей могучей простоте.
Он шел твердо, упорно-понуро и в руке его дрожало древко трехцветного [знамени.

И было начертано на нем: „Православие, самодержавие и народность“...
На ногах же глухо звенели тяжелые кандалы крепостничества, произвола, насилий...

— —

Порыв ветра — вихрь революции...
— Он шел все также многоликий, но радостно-зовущий.
Он шел мерно, бодро и в руках его высилось древко ярко красного знамени.
И было начертано на нем:
„Свобода, Равенство, Братство — Царство Социализма“...
На шее Его тяжко гремели цепи партийной дисциплины, подчинения, диктатуры.
Тяжелее всех было звено принуждения терпкой жизни, придавленной убогим [коммунизмом...

— —

Срыв бури — ураган Революции.
— Он шел и многоликость Его растворилась в яркие одноликие торжествующие образы, — победно-уверенно ярко призывный Он шел.
Кто-то сбоку держал древко черного мрачного знамени, дерзко режущего яркость [солнца и неба.
И было начертано на нем: „Моя свобода, самобытность и своеобразие лич- [ности — Анархия“...
Знамя двигалось сбоку, — но рука Народа была свободна и от этого знамени...
Ни цепей, ни знамени не было у него на руках: борьба и порыв сегодняшнего дня, жизнь и счастье; свобода и бунт „Сегодня“, — сорвали тяжелые жгучие [цепи вчерашнего и завтрашних дней.

— —

Взрывы бури... ураганы... порывы...безудержный гимн Революции...
19—31|VIII—19

Nihil

Революция безусловно анархична.

Это очевидно из одного понятия о революции, как о стихийном возмущении и поднятии народных масс против ставших совершенно невыносимыми, исходящих от государственной власти гнета неволи, деспотизма, эксплоатации и созданных ею, государственной властью, тяжких, невыносимых условий жизни.

Это возмущение, поднятие народных масс, как всякое стихийное движение, имеет одно направление, одну цель смести уничтожить то, что возмутило и подняло это стихийное движение, а именно — государственную власть. Никаких других, косвенных целей, здесь в подобном стихийном движении нет, да и не может быть, так как это не соответствовало бы самой природе стихийных движений, хотя им после и приписывали другие, косвенные цели, в роде — смены власти. Но более чем ясно, что смена власти есть дело не революции, не поднявшейся народной стихии, которая стремится только смести, уничтожить возмутившего ее до основания, не втерпеж больно кусавшегося гнуса — государственную власть, а той или другой кучки людей, наиболее ловко умеющих использовать создавшееся положение для захвата власти или передачи ее тем, при которых они стали бы в привилегированное или господствующее положение.

Значит ясно, что революция, т. е. стихийное движение народных масс начинается с одной исключительной целью и задачей — уничтожить ставшую невыносимой и непереносимой власть, но вовсе не для того, чтобы заменить ее другою, хотя бы и не так невыносимо кусающеюся, хотя бы и из „своих“.

Смена власти, значит—дело так называемого переворота, а не революции. Революция же — как только что было сказано — стремится исключительно к разрушению, к уничтожению власти, то есть стремится к безвластию или к анархии.

Следовательно по существу революция — только анархична, хотя в зависимости от того—во что она выльется, кто сумеет ею воспользоваться, каковы окажутся последствия, она характеризуется и принимает название „буржуазной“ или „социальной“.

А отсюда ясно, что — *всякая власть глубоко анти-революционна* [*иначе говоря—контр-революционна*]. Это ясно из того, что раз революция направляется всегда стихийно, неудержимо против власти, стремится к уничтожению власти, то есть, раз революция безусловно всегда анархична, то она является смертельным врагом власти и наоборот—власть борется с революцией, принимает самые жестокие меры к ее недопущению, к ее подавлению, вообще—является смертельным врагом революции. Очевидность этой смертельной борьбы между властью и революцией, их взаимное стремление, подобно холоду и жаре, друг друга парализовать, уничтожить ясно указывает на невозможность их совместного существования. Победа революции обозначает уничтожение власти; выявление власти—знаменует конец революции. Этим выясняется не только неправильность, полная бессмысленность и нелепость выражения „революционная власть“, ничем не отличающегося от выражения: „жаркий холод“.

Если все-же приходится наталкиваться на выражение „революционная власть“, то это приходится объяснить или несознаванием полной его бессмыслицы и нелепости, или же тонкою расчетливостью на придание такой власти (которая, подобно волку, прикрывшемуся овечьей шкурой, прикрылась маской революционности) престижа и ореола революционности. Этим названием власть обеспечивает себя от действительных революционных выступлений, которые она как носящая звание „революционной“, всегда относит к контр-революционным, хотя бы всем было более чем очевидно, что дело идет вовсе не о восстановлении прежнего или какой бы то ни было, хотя и новой государственной власти, а об устранении всякой власти, и неразрывно связанных с ней насилия, гнета, эксплоатации рабочих и пролетарских масс — то есть об том, что представляет собою настоящую революцию.

Анархист Т—он.

Анархист.

Я не учился быть красноречивым,
Я не учился складно говорить,
И вечно вежливым, учтивым,
Не мог никак я угодить.
То слово было им неладно,
То слог неправилен был мой,
Ходил как будто неразвязно,—
Осмеян всюду был толпой...
Всегда я слышал лишь упреки:
„Куда он лезет неуч к нам?
Зачем давать ему уроки?
Он был и будет вечный хам.
Разве есть в нем ум, стремленье
Творить художество, красу?
Несет лишь свету разрушенье
И смерти ужаса косу“...
Я все терпел, я все крепился,
Молчал, не мог им говорить...
Но дух мой сразу оживился,
Нашел я сил в себе творить.
Теперь кричу я им презренным:
Вы осуждали век меня,
Стою я с факелом заженным
Путь освещаю для себя.
Без вас я смело к цели выбьюсь.
Туда, куда стремился век.
В услугах ваших не нуждаюсь
Не раб я больше—человек.
Мозг и сердце бьются жизнью,
Ум стремится мой творить,
Я весь проникнут одной мыслью:
Дорогу к счастию пробить.
Верю я, что силы хватит:
Факел пламенный сдержу,
Свет повсюду запылает
Пожар я мира разожгу.

Слесарь В. Волков.

Об Анархизме.

(Продолжение.) *)

Очерк первый.

Отношение Анархистов к Государству и Власти.

Вкратце, изложенное в последних трех главах сводится к следующему: власть есть фантазма; с фантазмами, приносящими человеку вред, нужно бороться; власть (фантазма) приносила и приносит человеку только горе, слезы и кровь, кровь и кровь; следовательно, она вредна и вредна во много раз более, чем фантазмы, „домовой“, „ведьма“, „колдовство“ и т. подобные, с которыми наука и всякий сознательный человек вступили в борьбу и не за обладание ими, а за уничтожение их **). А отсюда вывод: с властью как вредной фантазмой, нужно бороться не „за обладание“ ею, а за полное ее уничтожение, не „за“, а „против“ нее.

---

*) См. Вольный труд“ №2 (стр. 3—10), № 3—4 (стр. 3—18) № 5—6 стр. 5—17).

**) Кстати, интересный вопрос для криминалистов: как квалифицировать преступное деяние людей, сознающих и понимающих истинную природу власти (фантазма) и ведущих людей на борьбу «за захват» этой власти? Нам кажется, что здесь есть элементы мошенничества, постольку, поскольку здесь есть вовлечение обманом в невыгодную сделку своего контрагента. Само же властвование, по своему содержанию, сходно со следующим: авантюрист выдает себя в темной среде за колдуна, черта, ведьму и требует подчинения своим приказаниям, а в случае неповиновения грозит своим гневом, своей «сверхестественной силой». Пользуясь доверием темной массы, воспринявшей фантазму власти, и опираясь на силу тех, кто наделяет его „правами“ (в своей психике), а всех прочих «обязанностью» повиноваться ему, он вымогает у этой массы все, что только можно, что выгодно и желательно ему.

К этому выводу, может быть, совершенно бессознательно, анархисты пришли давно. Идеи анархизма, как мы уже говорили, (См. „Вол. Тр“ № 1. Стр. 4—12) восходят в глубокую древность, но полного своего развития, более или менее окончательной формулировки своих основных положений, теория анархизма достигла впервые в конце XVIII и в XIX в.

Основоположниками и теоретиками анархизма считаются Годвин, Прудон, Штирнер, Бакунин, Текер, Л. Толстой, Малатеста, Жан Грав, Гио, Крапоткин, Элизе Реклю, Жан Мост, Себастьян Фор, Христиан Корнелиссен, Даниель Серен, С Вальчевский и другие. Необходимо тут же заметить, что анархистами в полном смысле этого слова могут быть названы только некоторые, весьма немногие из них, остальные же должны быть причислены, как и они сами себя причисляют, к безгосударственным социалистам. Между же социализмом, и даже безгосударственным социализмом, и анархизмом идеологически глубокая пропасть, о которой мы поговорим в ближайшем будущем. Сейчас же, оставляя в стороне этот вопрос, перейдем к знакомству со взглядами некоторых из этих анархистов и безгосударственных социалистов на существо, роль и значение государственной власти и государства.

Вильям Годвин (1766—1836) указывает на необходимость „различать государство от общества“.

„Общество и государство различаются между собой не только характером, но и происхождением“. „Общество зародилось от наших потребностей, государство — от наших страстей. Общество есть благо, государство, в лучшем случае, только необходимое зло“.

Существование этого „необходимого зла“ современная Годвину наука старалась обосноват. либо силой (теория силы), либо божественным происхождением (теократическая теория), либо договором (договорная теория). В первом предположении Годвин усматривает „полное отречение от всякой вечной и безусловной справедливости; ибо оно об'являет законным всякое правительство, имеющее силу навязать свои предписания. Оно подрывает все общественные знания и предлагает людям спокойно подчиняться злу, не утруждая себя заботами об улучшениях. Второе предположение — двусмысленно: оно либо означает то же, что и первое, с тою лишь разницей, что указывает на Бога, как на источник всякой существующей власти; либо совсем не имеет цены до тех пор, пока какой либо признак

не позволит нам различать правительства признанные Богом, от тех, которые им не признаны... Третье предположение означает, что лицо может вручить кому-либо руководство своею совестью и критику своих обязанностей... Но мы не можем отречься от нашей нравственной самобытности; она есть свойство неот'емлемое и непродажное; следовательно, ни одно правительство не может ссылаться на первоначальный договор, как на источник своей власти".

„Никогда не забудем, что всякое правительство есть зло, что оно равносильно отречению нашему от собственного суждения и совести".

Власть, по мнению Годвина, приносит человеку только вред: кроме физического порабощения она „приводит к тому, что подвижность нашего ума и его развитие ограничиваются". Нужно стремится „к совершенному разрушению государства". И Годвин верит, что „Царство истины приближается". „Истинный человеколюбец, который твердо служит истине и борется со всеми преградами, воздвигаемыми на ее дороге, с ясным упованием может ожидать наступления уже близкого и прекрасного дня" (Вильям Годвин, „Исследование о справедливости в политике").

Макс Штирнер (1806 — 1856) усматривает причину повиновения государству, рожденному в насилии и зле, в предрассудке, по которому государство считается чем-то святым.

„Для каждого члена государства должно быть святым это государство и то понятие, которое государство считает верховным, должно и им почитаться верховным".

Внешне этот предрассудок выражается в уважении перед законом, который и есть фундамент всякого государственного строя, и который об'является также святым: „Закон — свят, и всякий сопротивляющийся ему — преступник".

Государство, рожденное в насилии и из насилия, не нечто святое, а насилие, выявляемое прежде всего в праве, (в законах). Поэтому „всякое государство есть деспотия, все равно один ли деспот или их несколько, или, как это представляют себе в какой-нибудь республике, все властвуют, т. е. один угнетает другого".

Государство, обусловленное в своем существовании указанными моментами стремится всегда к одной цели: „ограничить, связать, покорить *личность*, подчинить ее чему-нибудь отвлеченному, общему". Оно „никогда не стремится развить само-

деятельность" в человеке, так как самодеятельность ему невыгодна: оно, ведь, и „существует лишь благодаря моей ничтожности". „Государство разрешает личности по возможности свободно играть, но серьезно она ничего не должна делать, она не должна забывать государство. Человек не должен сноситься с людьми беззаботно, без высшего надзора и посредничества" *государственной власти.*

Благодаря ничтожности личности оно в состоянии извлечь из нее всю необходимую для себя выгоду, „пользу", т. е. эксплоатирует меня, грабит, пользуется мною для всего, хотя бы для размножения пролетариата..."

„Я не смею сделать того, что мне по силам, но только то, что позволено государством; я не могу развить ни моих мыслей, ни мой труд, вообще ничто свое". Как же после всего этого не быть „смертельным врагом государства", которое всегда блещет, „в то время как я умираю с голоду", и которое „может быть побеждено лишь дерзостным своеволием"? Личность, которая „сильнее государства", может разрушить мощь государства" и *должна разрушить.* (М. Штирнер. „ Личность и ее достояние". Курсив мой).

Пьер-Жозеф Прудон (1809 — 1866) источник власти и причину ее зарождения и существования усматривает, подобно Годвину и Штирнеру, в человеческих страстях и в „предрассудке, почти общем, что без власти у нас будет полный беспорядок и настоящий хаос". В сущности же наоборот: власть сама является источником хаоса, беспорядка и раздоров.

„Не успела власть воцариться на земле, как стала предметом всеобщего честолюбия". В ней каждый и всякий „видит средство угнетения и насилия над ближним. Самодержцы, доктринеры, демагоги и социалисты неизменно обращают свои взоры на власть, как на свою единственную цель" достигаемую партийным путем. Вот почему все партии «без исключения, поскольку они стремятся к власти, суть разновидности самодержавия, и не будет у граждан свободы, порядка в обществе, единения трудящихся, пока отречение от власти не сменит в политическом катехизисе веру во власть".

„Власть челове..а над человеком есть *рабство*".

„Быть управляемым — значит быть выслеживаемым, находиться под наблюдением, надзором, руководством, под гнетом закона, подвергаться поучениям, вышколиванию, проповедям, вмеша-

тельству, одобрению, порицанию, приказам лиц, не имеющих на это полномочий, не обладающих ни надлежащими знаниями, ни добродетелью. Быть управляемым — значит терпеть, чтобы каждое ваше действие, движение, сделка отмечалась, вносилась в реестр, учитывалась, оценивалась, измерялась, исчислялась, облагалась, разрешалась, отклонялась, получала соизволение, подвергалась исправлению, переделке и т. д. Быть управляемым— значит под предлогом общей пользы и интересов общества, быть вынужденным платить дань, терпеть вымогательство, эксплоатацию, монополии, надувательства, грабеж; а при малейшем сопротивлении, при первой попытке жаловаться — подвергнуться притеснениям, штрафу, унижению, издевательствам, преследованию; вас поволокут, побьют, обезоружат, свяжут, бросят в тюрьму, расстреляют, предадут суду, осудят, сошлют, замучают, продадут, обманут и в довершение всего насмеются, надругаются, опозорят".

Это „рабство" не может быть оправдываемо ничем: „Ни наследственность, ни выборы, ни всеобщее голосование, ни прекраснодушие верховного владыки, ни освящение веками и религией—не может сделать правление законным. В какой бы то ни было форме, монархической, олигархической, демократической, управление или власть человека над человеком—незаконна и нелепа".

И Прудон заявляет: „кто стремится управлять мною, тот — насильник и тиран. Я об'явяяю его своим врагом".

Государство должно быть разрушено. Помощником в этом будет разум, который приведет нас к перевороту.

Несмотря на то, что „народ, отупевший от рабства, полный предразсудков и других инстинктов, равнодушен к идее преобразования"; несмотря на то, что „ученые, академия, печать клевещут", что „суды свирепствуют, а правительство все подавляет", „будем спокойны: как отсутствие идеи губит лучшие предприятия, точно также борьба против идеи лишь способствует развитию революции".

„Распространять идею" преобразования, революции — вот цель и задача всякого. (П. Прудон. „Исповедь революционера". «Что такое собственность»? «О справедливости». Курсив мой).

Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876) разрешает вопрос возникновения власти и государства, этой „переходной формы общежития» в духе теории завоевания и теократической теории.

„Оно родилось повсюду из сочетания насилия, разгрома, грабежа, словом, войны и покорения, с богами, постепенно создавшимися теологическим воображением народов».

Рожденное из насилия и религии, государство и в своем дальнейшем существовании обусловливается теми же факторами.

«Государство—это *насилие*, притеснение, эксплоатация, несправедливость, возведенные в систему и сделавшиеся, краеугольным камнем существования всякого общества» И далее:

«Взгляните на самые свободные государства мира, на Соединенные Штаты Северной Америки или Швейцарскую конфедерацию, и вы увидите, какую важную роль играет там, в официальных речах, *божественное провидение*—эта высшая санкция всех государств».

Государство может только повелевать н принуждать».

«Политическое государство не имеет другой задачи, кроме покровительства эксплоатации народного труда экономически привилегированными классами», и «политическая власть, каковы бы ни были ее происхождение и ее формы, неизбежно тяготеет к деспотизму».

Причину всего этого Бакунин усматривает в различных привилегиях, коими пользуются правящие классы. „Привилегиям и всяким привилегированным положениям присуще свойство отравлять ум и сердце людей. Привилегированный в политическом и экономическом отношении человек испорчен душой и сердцем“.

Отношнние Бакунина к власти и государству, этому „временному историческому учреждению“, в котором «властное меньшинство господствует над порабощенным громадным большинством“, было, безотносительно от различных форм, отрицательно.

«Никакое государство, как бы демократичны ни были его формы, хотя бы самая красная политическая республика, народная только в смысле лжи, известной под именем народного представительства, не в силах дать народу того, что ему надо, т. е. вольной организации своих собственных интересов снизу вверх, без всякого вмешательства, опеки, насилия сверху, потому что всякое государство, даже самое республиканское и самое демократическое, даже мнимо-народное государство, задуманное г. Марксом, в сущности своей не представляет ничего иного, как управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного и потому самого привелигированного меньшин-

ства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ».

Даже сама диктатура пролетариата «революционная диктатура» не прельщает Бакунина, ибо „никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечивания себя... Она способна породить и воспитать в народе носящем ее, рабство“ „Между революционной диктатурой и государственностью вся разница состоит только во внешней обстановке. В сущности они представляют обе одно и то же управление большинством во имя мнимой глупости первого и мнимого ума последнего“. „Никогда правительственный деспотизм не бывает так страшен и так силен, как тогда, когда он опирается на мнимое представительство народной воли“. (Последние слова особенно интересны при анализе современного политического положения России).

„Мы,—говорит Бакунин,—всей душой ненавидим монархию, но вместе с тем мы твердо убеждены, что и большая республика,—военная, с бюрократией и политической централизацией—станет воевать извне, угнетать внутри и не сумеет обеспечить своим подданным, которых она называет гражданами, счастье и свободу“.

„Надо вполне уничтожить в принципе и на деле все то, что называется политической властью, потому, что пока политическая власть будет существовать, будут управители и управляемые, господа и рабы, эксплоататоры и эксплоатируемые“. До тех пор, „пока человечество будет разделено на меньшинство эксплоататоров и большинство эксплоатируемых, — свобода немыслима и становится ложью“.

„*Свобода может быть создана только свободой*, т. е. всенародным бунтом и вольной организацией рабочих масс снизу вверх“. „Политическая власть раз уничтоженная, должна быть заменена организацией производительных сил и экономических служб“.

Разрушение государства и власти произойдет революционным путем, „всенародного бунта“.

„Революция, по нашему разумению, должна с первых дней коренным образом разрушить государство и все государственные учреждения. Естественными и необходимыми последствиями этого разрушения будут: а) государственное банкротство, б) прекращение государственного взыскания частных долгов, уплата которых будет представлена воле должника, в) прекращение

уплаты податей и налогов, прямых и косвенных, г) распущение войска, суда, чиновничества, полиции, духовенства, д) отмена коронного правосудия и так называемого юридического права".

Вместе с разрушением государства исчезнет тот принцип власти, который „в применении к людям, достигшим совершеннолетия, становится чем то чудовищным, явным отрицанием человечности, источником рабства и нравственной и умственной развращенности".

Такая революция, по мнению Бакунина, неизбежна и близка. (М. Бакунин „Бог и государство" „Государственность и анархия". Его «переписка» и др. сочинения. Курсив мой).

Лев Николаевич Толстой (1828—1910) усматривает причину зарождения государственной власти в „всеобщем расположении людей к насилию друг над другом», проявляющимся только «при известном низком уровне нравственности".

Материальным выражением государственной власти, или иначе, представителем государственной власти является правительство.

Но „если правительства были нужны прежде для того, чтобы защищать свои народы от нападения других, то теперь, напротив, правительства искусственно нарушают мир, существующий между народами и вызывают между ними вражду", „потому, что на этом основано их существование"; „теперь правительства ненужное и гораздо большее зло, чем все то, чем они пугают народы". Взявшись за защиту народа от опасности, они „довели это мнимое положение защиты до того, что вы все стали солдатами, рабами, все разорены, все более и более разоряетесь и всякую минуту можете и должны ожидать, что натянутая струна лопнет, начнется страшное избиение вас и ваших детей".

„Всякое правительство... есть ужасное, самое опасное в мире учреждение". Оно „по самой своей деятельности, состоящей в совершении насилий всегда состоит... из самых дерзких, грубых и развращенных людей".

Главной причиной, обусловливающей существование этого „орудия насилия, которое называется правительствами и от которых происходят величайшие бедствия людей"—*патриотизм*.

„Правящие классы (разумея под этим не одни правительства с их чиновниками, но и все классы, пользующиеся исключительно выгодным положением: капиталисты, журналисты, большинство художников, ученых) могут удерживать свое

исключительно выгодное — в сравнении с народными массами — положение, только благодаря государственному устройству, *поддерживаемому патриотизмом*".

„Правительства для того, чтобы существовать, должны защищать свои народы от нападения других народов, но ни один народ не хочет нападать и не нападает на другой, и потому правительства не только не желают мира, но стремительно возбуждают ненависть к себе других народов. Возбудив же к себе ненависть других народов, а в своем народе патриотизм, правительства уверяют свой народ, что он в опасности и нужно защищаться". „Имея же в своих руках все самые могущественные средства влияния на народ, они всегда неукоснительно поддерживают в себе и других патриотические чувства, тем более, что эти чувства, поддерживающие государственную власть более всего другого награждаются этой властью.—

Всякий чиновник тем более успевает по службе, чем он более патриот; точно так же военный может подвинуться в своей карьере только на войне, которая называется патриотизмом. Патриотизм и последствия его — войны дают огромный доход газетчикам и выгоды большинству торгующих. Всякий писатель, профессор тем более обеспечивает свое положение, чем более будет проповедывать патриотизм. Всякий император, король тем более приобретает славы, чем более он предан патриотизму."

Для возбуждения патриотизма „в руках правящих классов деньги, школа, религия, пресса. В школах они разжигают в детях патриотизм историями, описывая свой народ лучшим из всех народов и всегда правым; во взрослых разжигают это же чувство зрелищами, торжествами, памятниками, патриотической лживой прессой; главное же разжигают патриотизм тем, что, совершая всякого рода несправедливости и жестокости против других народов, возбуждают в них вражду проти своего народа, а потом этой то враждой пользуются для возбуждения вражды и в своем народе".

С государственной властью, покоющейся на „патриотизме" — с одной стороны, и на материальной силе (войска, полиция, пресса, школа, деньги и т. д.)—с другой, необходимо вести упорную *пассивную* борьбу,—постоянным ее отрицанием.

„Опомнитесь люди и ради своего блага телесного и духовного и такого же блага ваших братьев и сестер, остановитесь, одумайтесь, подумайте о том, что вы делаете. Опомнитесь и помните, что враги ваши не буры, не англичане, не французы, не немцы,

не чехи, не финляндцы, не русские, а враги ваши, одни враги—*вы сами,* поддерживающие своим патриотизмом, угнетающие вас и делающие вам несчастия правительства...

Поймите, что все то зло, от которого вы страдаете, вы сами себе делаете, подчиняясь тем внушениям, которыми обманывают вас императоры, короли, члены парламентов, писатели, художники,—все те, которым нужен этот обман патриотизма для того, чтобы жить вашим трудом". И „для уничтожения же этого сцепления есть только одно средство—пробуждение от гипноза" и „уничтожение правительств".

Указание на то, что „если не будет правительств, — люди будут насиловать и убивать друг друга"—неосновательно.

„Уничтожение правительств только уничтожит по преданию переходящую, ненужную, организацию насилия и оправдание его"." Отсутствие грубой власти правительств, имеющих цель поддерживать только себя, будет содействовать более разумной и справедливой общественной организации, не нуждающейся в насилии". „Но если и допустить, что при отсутствии правительств произойдут смуты и внутренние столкновения, то и тогда положение народов было бы лучше, чем оно теперь". Теперь „народ весь разорен, и разорение неизбежно должно идти усиливаясь. Все мужчины обращены в военных рабов и всякую минуту должны ждать приказа идти убивать и быть убиваемыми. Чего же еще ждать?.."

„Если бы и действительно отсутствие правительств означало анархию в отрицательном беспорядочном смысле этого слова (чего оно вовсе не означает), то и тогда никакие беспорядки анархии не могли бы быть хуже того положения, до которого правительства уже довели свои народы и к которому они ведут их. И потому не может не быть полезным для людей освобождение от патриотизма и уничтожение зиждущегося на нем деспотизма правительств".

„Только бы люди поняли, что они не сыны каких-либо отечеств и правительств, а сыны Бога и потому *не могут быть ни рабами, ни врагами других людей,* и само собой уничтожатся те безумные, ни на что уже ненужные, оставшиеся от древности, губительные учреждения, называемые правительствами, и все те страдания, насилия, уничтожения и преступления, которые они несут с собой". (Л. Н. Толстой: „Патриотизм и правительство". Курсив мой).

Вениамин Тэкер (1854 г.) считает, „что государство роди-

лось из нападения и со дня своего рождения было агрессивным учреждением“, что функция защиты, на которую ссылаются часто сторонники государства, „появилась впоследствии, под влиянием необходимости; и принятие государством на себя этой функции, несомненно предпринятой с целью усиления государства, в действительности и по существу было началом его разрушения“.

Характерными признаками государства Тэкер считает „во первых, *нападение;* во-вторых, *присвоение исключительной власти над данной территорией и в ее пределах*, обыкновенно осуществляемой с двоякой целью — наиболее полного угнетения подданных и расширения границ“.

Эти два признака присущи всем государствам: „мы обозначаем словом „государство“ учреждения, воплощающие в себе самый крайний абсолютизм, и учреждения, смягчающие его большей или меньшей дозой либерализма. Мы прилагаем это слово и к учреждениям, которые только нападают, и к таким агрессивным учреждениям, которые до некоторой степени также покровительствуют и защищают“.

„Нападение, захват, управление—все это однозначущие термины. Сущность управления заключается в контроле, в руководстве, или в покушении на контроль. Тот, кто пытается контролировать другого есть правитель, нападающий, захватчик. Природа такого нападения отнюдь не изменяется, будет ли оно произведено одним человеком на всех других людей, по способу абсолютной монархии, или всеми людьми на одного, по способу современной демократии. С другой стороны тот, кто сопротивляется покушениям ближнего руководить им, не есть ни нападающий, ни захватчик, ни правитель, а есть защитник, страж, покровитель. Внутренний характер сопротивления остается неизменным“ при всех формах сопротивления. „Это различие между нападением и сопротивлением, между правлением и защитой представляет первостепенную важность“. На нем и других „соображениях анархисты строят необходимые определения. Вот, например, анархистическое определение *правления*: подчинение ненападающего индивида внешней воле. А вот анархистическое определение *государства*: воплощение принципа нападения в одной личности или в банде людей, дерзающих действовать в качестве представителей или господ всего народа, живущего на данной территории„.

„Век Вольтера, говорит Тэкер, разрушил власть сверх'естественного". Теперь же нам „грозит власть человеческая в лице своего органа, государства. Те, кто потерял веру в богов только для того, чтобы перенести ее на правительства; кто перестал поклоняться церкви только для того, чтобы поклоняться государству; кто переменил папу на короля или царя, а священника на президента или парламент, — те, правда, оставили прежнее поле битвы, но отнюдь не стали меньшими врагами *Свободы*. Церковь сделалась предметом насмешки; государство должно им сделаться в свою очередь. Государство, говорят, есть „необходимое зло"; оно должно стать не необходимым. Борьба нынешнего века есть, поэтому, борьба с государством; с государством, которое принижает мужчину, проституирует женщину и развращает ребенка, которое налагает путы на любовь и душит мысль; которое монополизирует землю, ограничивает кредит и суживает обмен, которое дает праздному капиталу возможность приращения, а у трудолюбиваго работника насильственно отнимает плоды его труда в виде процентов, ренты прибыли и налогов".

„Долой власть" — вот „боевой клич" Тэкера. (В. Тэкер. „Вместо книги". Курсив мой).

Энрико Малатеста усматривает в государстве форму общественного строя, покоющегося на существовании частной собственности.

„Всякое правительство зиждется на собственности и состоит из ее представителей".

„Потребность в правительстве возникает только тогда, когда дело коснется отношения господствующих классов к порабощенным". „Там, где люди деляется на богатых и бедных, последние могут возвышать свой голос в момент возмущения, но власть всегда остается за богатыми".

Благодаря государственной власти между людьми создаются такие отношения, „в основе которых лежит подчинение одних слоев общества другим", создается „отношение рабов и господ",— раб же „такой товарищ своему господину, как лошадь или корова своему хозяину". Это господско-рабское отношение между людьми объясняется тем, что „тот, кто стоит у власти, всегда преследует свою выгоду и то по неведению, то по нерадению изменяет народу. Даже лучшие люди, стоящие у власти, становятся гордыми и надменными".

Малатеста относится отрицательно ко всем формам правления.

„Республика есть такая же форма правления, как и всякая другая; только вместо короля там президент и министры, которые в сущности обладают такою же властью, как король. Лучше всего это видно во Франции, и даже если бы у нас была демократическая республика, как то пророчат радикалы,—разве было бы лучше. Вместо двух палат у нас была бы одна,—палата депутатов; но мы в ней попрежнему остались бы солдатами, рабочими труда, несмотря на все обещания господ депутатов. Видите ли, пока есть богатые и бедные владычествовать будут всегда богатые. Будет ли у нас республика или монархическое государство последствия, вытекающие из частного владения, будут везде одинаковы".

Государство, которое „ничего не создает, даже будучи доведенно до совершенства", должно быть уничтожено, и даже в том случае, *если бы бедняки, в свою очередь, достигли власти*", так как было бы несправедливо „оставить условия, при которых люди обеспеченные могли бы снова занять господствующее положение."

С разрушением государства исчезнут „жестокости и насилия", потому что не будет кому подавать пример жестокости и насилия и настанет „равенство и свобода", эти противники государственного строя.

„Все ваши власти, — говорит Малатеста, — нам ни на что не нужны, мы не хотим правительства".

Восставший „в следующий раз народ не позволит обманывать себя пустыми фразами и овладеет собственностью богатых", этим фундаментом государства.

„Когда это будет? Я не знаю. Это зависит от нас. Чем больше мы будем работать, чтобы открыть глаза людям, тем скорее это совершится... Если же мы будем зевать, будем дожидаться, когда жареные рябчики сами полетят нам в рот, пройдут века, прежде чем наступит революция". (Энрико Малатеста. „Крестьянские речи". „Краткая система анархизма". Курсив мой.)

Жан Грав, подобно Малатесте, в частной собственности видит основу существования государственной власти.

„Защита частной собственности и ее передача по наследству вот основы современного общественного строя. Из нее вытекает правительственная власть, современная семья, судебная

власть, армия—все эти гнетущие и разоряющие нас учреждения. Есть еще религия, но мы не будем заниматься ею: наука, хотя и буржуазная уже убила ее. Оставим мертвых в покое".

Разбирая существующие теории о происхождении государственной власти, Жан Грав говорит: „Государственная власть, столько времени опиравшаяся на легенду о своем сверхчеловеческом происхождении и державшаяся по меньшей мере постольку же легендой, поскольку и грубой силой, уже поддается под напором критики и грозит разрушиться... Она могла существовать только до тех пор, пока не подвергалась критике, а теперь держится только благодаря силе".

Вместо разрушившейся легенды о божественном происхождении власти, на помощь „грубой силе", которая одна все-таки не в состоянии обосновать и удержать в своих руках власть, „политико-экономы возвели в „естественные законы" те факты общественной жизни, которые в действительности происходят от плохой организации общества, приняли их за причину того, чего они в сущности являются лишь следствиями и украсили все эти нелепости названием науки".

„Вместо „божественного права" буржуазия старалась, прежде всего, поставить силу денег, в форме известного ценза для права выборов в палату, т. е. такого порядка, при котором избирателями могли быть только люди, платившие известную сумму налогов. Позже стали говорить о том, чтобы присоединить к этим избирателям еще и людей „способнейших": это было требование разорившейся части буржуазии". Еще позже они уступили напору извне и „согласились на всеобщее избирательное право, поняв, что это право не грозит их привилегированному положению, что оно не больше, как инструмент, на котором нужно только уметь играть, и что этот знаменитый орган рабочих требований, который рабочие уже считали своим достоянием (ведь они купили его ценою своей крови) есть в сущности лишь усовершенствованное орудие господства, порабощающее людей, которые им пользуются, в то время, как сами они, наоборот, думают, что освобождаются".

Это всеобщее избирательное право, „право избирать ту розгу, которая будет тебя сечь и теперь еще гипнотизирует рабочий класс".

Они верят, „что заменив одних людей, стоящих у власти, другими, они смогут заменить угнетающую нас систему эксплоатации другим общественным строем, который даст всем

довольство и счастье. Это—глубокая ошибка—ошибка, благодаря которой разными интригами удается увлечь рабочих на путь достижения якобы реформ, которые нисколько не могут изменить их положения, а только приучают их ждать всего от перемен в составе лиц того, созданного для нашего угнетения, механизма, который называется государством. Эта ошибка повела к тому, что во всех революциях различные интриганы обращали в свою пользу победы народа, занимали синекуры прежних правителей, снесенных революционной бурей и образовывали *новый слой эксплоататоров*, с новыми интересами, которые, раз утвердившись, *заставляли замолчать и подчиниться тех самых наивных людей, которые имели глупость предоставить им власть*".

Никогда не нужно забывать, что правящие всегда находятся „во вражде с управляемыми".

Правительство, обусловленное в своем существовании материальной силой, нашим экономическим рабством и обманом общественного мнения (возбуждение ошибочных убеждений, ложных чувств — как патриотизм и др.) должно исчезнуть совершенно.

„Нам не нужно никакого правительства"...

„То, что опирается только на силу, может точно так же и быть разрушено силой".

„Увидим ли мы зарю этого освобождения?. Выпадет ли это на долю современного поколения, или того, которое за ним последует, или еще позднейшего? Этого мы не знаем и этим не занимаемся. Достижение цели выпадет на долю тех, у кого хватит энергии и огня в сердце, чтобы настойчиво захотеть быть свободным". („Умирающее Общество и анархия". Жан Грав. Курсив мой).

Петр Алексеевич Кропоткин (1842) смотрит на государство, как на одну «из тех форм, которые общество принимало в течение своей истории".

Государство—предрассудок, и этот предрассудок должен быть принесен, в конце концов, в жертву освобождения человека. „Раз мы принесли в жертву своему освобождению столько предрассудков относительно хозяина, собственности, религии,—остановимся ли мы перед *предрассудком* государства?"

Современное европейское государство (понятия о котором „обнимают собою не только существование власти над обществом, но и сосредоточение управления местною жизнью в одном

центре, т. е. территориальную концентрацию, а также сосредоточение многих или даже всех отправлений общественной жизни в руках немногих“), возникло из тройственного союза „между военным вождем, судьей и священником, тремя силами, соединившимися ради взаимного обеспечения своего господства и образовавшими единую власть, которая стала повелевать обществом и, в конце концов, раздавила его“.

Силу, которая была необходима этому тройственному союзу для его победы „прежде всего дала... деревня. Как древне-греческие города не сумели освободить рабов, так и средневековые города, освобождая граждан, не сумели в то же время освободить от крепостного рабства крестьян“.

Исторически картина приблизительно такова:

„Королевская власть постепенно складывалась именно в деревне, в укрепленном замке, окруженном сельским населением.

В двенадцатом веке она существовала лишь по имени. Скандинавские рыбаки имели своих „королей над неводом“, даже у нищих были свои „короли“: король, князь, конунг был просто временным предводителем.

Медленно и постепенно... более сильному или более хитрому князю удавалось возвыситься над остальными.

Церковь, конечно, была всегда готова поддержать его.

Путем насилия, интриг, подкупа, а где нужно, и кинжала и яда, он достигал господства над другими феодалами. Так складывалось между прочим Московское государство...

Соседние крестьяне снабжали королей зерном, лошадьми и людьми; кроме того, эти нарождающиеся тираны обогащались торговлей—уже не общинной, а королевской.

Церковь окружала их своими заботами, защищала их, поддерживала их своей казной, наконец, изобретала для королевского города особого святого и особые чудеса.

Вместе с церковью на помощь рождавшейся новой власти пришло и римское право, „которое уже начиная с двенадцатого века, проникает ко дворам сильных баронов, королей и пап и скоро делается любимым предметом изучения в университетах...

Под давлением этих двух влияний—римского юриста и попа — старый феодалистский дух, дух свободного почина и свободного соглашения вымирал и уступал место духу дисциплины, духу правительственной и пирамидальной организации“.

Государство, пришедшее на смену вольных городов, выросших на почве свободного соглашения и свободного почина,

подобно „варвару“, разрушило все, что было созданного „под защитой... вольностей“.

„В пятнадцатом веке Европа была покрыта богатыми городами; их ремесленники, каменьщики, ткачи и резчики производили чудеса искусства; их университеты клали основания науке; их караваны пересекали материки, а корабли бороздили моря и реки. И что же осталось от всего этого через двести лет?

Города с 50.000 и 100.000 жителей, как Флоренция, где было больше школ и больше постелей в госпиталях на каждого жителя, чем теперь в наилучше обставленных в этом отношении столицах,—превратились в захудалые местечки. Их жители были или перебиты, или сосланы; их богатства—присвоены государством или церковью. Промышленность увядала под мелочной опекой чиновников; торговля умирала. Самые дороги, которые соединяли между собой города, в семнадцатом веке сделались непроходимыми. Государство повсюду сеяло войну, и война опустошала Европу, разоряла те города, которые государство не успело разорить непосредственно“.

„Вслед за вольными городами“ государство разорило и „сельскую общину“, когда на помощь тройственному союзу пришел и помещик.

„Юрист, поп, помещик и солдат, сомкнувшись в дружный союз вокруг трона, могли продолжать свою гибельную работу“.

«Несмотря на все наши усилия оживить искусство, разве мы можем сравняться в живописи по красоте с Рафаэлем? По силе и смелости—с Микель Анджело? В науке и искусстве—с Леонардо да Винчи? В поэзии и красоте языка—с Данте? Или в архитектуре с творцами соборов в Лионе, Реймсе, Кельне, которых «строителем», по выражению Виктора Гюго, „был сам народ?“ И где найти такие сокровища красоты, как во Флоренции и Венеции, как ратуши в Бремене и Праге, как башни Нюренберга и Пизы и т. д. до бесконечности? Все эти памятники искусства—творения этого периода вольных городов» и «наш век превзошел их разве только в быстроте производства, редко качестве и почти никогда—в художественности»...

«Но из всех перечисленных мной зол, едва ли не самое худшее—это *воспитание*, которое нам дает государство, как в школе так и в последующей жизни. Государственное воспитание так извращает наш мозг, что самое понятие о свободе в нас исчезает и затемняется понятиями рабскими».

Такая картина зарождения и развития государства наблюдается в истории человечества всюду.

«История не представляет одной непрерывной линии развития. По временам развитие останавливалось в одной части света, а затем, возобновлялось в другой. Египет, Азия, берега Средиземного моря, Центральная Европа поочередно перебывали ареной исторического развития. И каждый раз развитие начиналось с первобытного племени; затем, оно переходило в стадию сельской общины; затем наступал период вольных городов и, наконец, период государства, во время которого развитие продолжалось некоторое время, но затем, вскоре замирало.

В Египте цивилизация началась в среде первобытного племени, достигла ступени сельской общины; потом пережила период вольных городов, и позднее приняла форму государства, которое после временного процветания, привело к смерти страны.

Развитие снова началось в Ассирии, в Персии, в Палестине; снова оно прошло через те же ступени первобытного племени сельской общины, вольного города, всесильного государства, а затем, опять наступила смерть».

Та же картина и в Греции, и в Риме.

«На развалинах Римской Империи *цивилизация возродилась* среди кельтских, германских, славянских и скандинавских племен. Медленно вырабатывало первобытное племя свои учреждения, пока они не приняли формы сельской общины. В этой стадии они дожили до двенадцатого столетия. Тогда возникли республиканские вольные города, породившие тот славный расцвет человеческого ума, о котором свидетельствуют нам памятники архитектуры, широкое развитие искусств и открытия, положившие основания нашему естествознанию. Но затем явилось на сцену государство и... неужели смерть? Да, смерть или возрождение. Смерть, если мы не сумеем перестроить общество на свободно противо-государственном фундаменте».

«Государство должно быть разрушено».

Не нужно надеятся, что эта организация, будучи вырвана из рук эксплоататоров и попав в другие руки, сможет «послужить для благой цели, для народного блага“. Это—мечта. История показывает совершенно обратное. Государство—„учреждение, которое в течение всей истории человеческах обществ служило для того, чтобы мешать всякому союзу людей между собой, чтобы препятствовать развитию местного почина, душить, уже

существующие вольности и мешать возникновению новых. И мы знаем, что это учреждение, которое прожило уже несколько столетий и прочно сложилось в известную форму ради того, чтобы выполнить известную роль в истории, не может быть приноровлено к роли противоположной".

Кропоткин верит, что день смерти государства уже близок (П. А. Кропоткин, «Государство и его историческая роль". «Анархия и ее идеал». Курсив мой).

Окончание следует.

Б. С.

Мятежник!

И мысли и чувства все рвутся в мятеж, жаждая гнет разрушить, сорвать цепи власти государства и власть капитала. Нет мочи их больше влачить.

Надежда! Прорвется-ж лавина,—восстанут Народы, Тогда будет наш огненный клич: Культурная буря, Ураган социальный, рушьте вы все на пути, рвите оковы народного гнета, расправляя крылья свои!

Пусть он, страдалец, почуяв свободу, вихрем могучим летит туда, где цветущее лоно природы под солнцем анархии парит. Туда куда лучами яркого факела путь освещенный лежит!...

Пусть-же по трупам тиранов проклятых, чинивших кошмар на земле, будет проложено русло бунтарское для равенства, братства, любви!

Пусть все оплоты народного гнета триумфально горят на кострах, а пепел могучим вихрем восстания очистит весь космос от злостных всех язв!

После-ж расправы с гнетом кошмарным люд будет—свободный творец, основным фундаментом в жизнь он заложит—анархию—гармоньи венец...

Петр Скурихин.

25 декабря, 1918 г. Петроград.
Социалистическая Дерябинская тюрьма.

„За Советскую власть".

Те, кто выкрикивает или призывает к вооруженной борьбе за „Советскую власть", поступает очень не умно. Он упускает из виду психологию власти и психологию отношения масс к власти.

Власть мила и дорога только тем, кто ею фактически непосредственно пользуется для эксплоатации тех, кто находится в его власти (власть по самой своей природе не может не быть эксплоататором). Всем-же не пользующимся фактически властью этот лозунг или ничего не говорит уму и сердцу, или если и говорит, то говорит совсем не так, как воображают выкрикивающие. В этом отношении, как веками ни калечились люди, все-же в природе человека, как и всего живого, есть стремление к свободе и самостоятельности и естественное отвращение к власти над собою даже со стороны самых близких. Пришедшие в возраст дети тяготятся малейшим проявлением власти над ними со стороны любимейших отца и матери.

Проявление власти со стороны больших товарищей возбуждает зависть, недоброжелательство, злобное чувство.

И если прежде кричали: „За царя, отечество, веру" или: „За обожаемого царя-батюшку", то они кричали вовсе не потому, что думали воодушевить солдат или аудиторию, подействовать на их ум и сердце, а для того, чтобы... манифестировать этим свое верноподданическое усердие, любовь...

Все тогда отлично понимали значение такого „подогревания" высокопатриотических чувств, относились более чем скептически к „взрывам долго не смолкавшего ура" и... продолжали лицемерить и усиливать приторность ханжеского преклонения перед предержащею властью, нисколько не заботясь об отрицательном впечатлении этих выкриков на слушателях.

Но если это было допустимо и в порядке вещей, тогда, когда еще могли верить, что народ для того между прочим и сотворен и существует, чтобы славить, льстить и жертвовать жизнью за бога, царя и т. п. небесные и земные

власти, то теперь, когда власть лишь *„терпят“*, как временное необходимое зло,—эти слишком частые, успевшие достаточно приесться выражения верноподанности Советской власти, признать разумными конечно нельзя.

Драться, воевать за власть могут призываться только рабы, невольники, которым неизвестно за какие прегрешения или наоборот добродетели власть ниспосылается самим богом, который ее и миропомазует. Рабочие-же и пролетариат находит, что он на век насладился этой прелестью, что с него довольно миропомазанников и он предпочитает не искушать своих товарищей возможностью сделаться Наполеоном, а потому и не давать ему над собой власти, а наоборот его контролировать, чтобы именно не стал мечтать и бредить властью, прикрываясь, как и Наполеон сначала за коллективами.

Рабочие и пролетариат понимают только один призыв на борьбу, войну: „за общие, в том числе и свои собственные, как трудящегося и обездоленного интересы!“.

Ведь даже в буржуазных республиках поняли, что призывом к борьбе за власть никого не воодушевить, что за власть бороться идут только из под-палки и потому напр. французские психологи признавали единственным воодушевляющим лозунгом—„за отечество“. Они не были так наивны, чтобы не понимать, что никогда подвластные, т. е. те которыми власть распоряжается, которых власть стрижет, эксплоатирует, воодушевились-бы идти на смерть именно за то, что ограничивает их свободу, что дает возможность всяким более умным и сильным людям распоряжаться т. е. стричь, эксплоатировать, угнетать их, подвластных.

Рабочие-же и пролетариат проклял раз навсегда всякую власть над ним, откуда-бы она ни шла—с неба или земли, увековечив это проклятие в своем международном (интернационале) гимне.

А с другой стороны, как прежде неистовые возгласы: „за обожаемого царя-батюшку...“ так и теперь „за Советскую власть“—звучат очень приторно, масляно и производят отвратительное впечатление подмазывающегося усердия показать, манифестировать свою вернопреданность этой власти. А тем более, что ныне все считают, что власть зло, но будто необходимое, так как без нее люди будто-бы не могут жить.

А. Дмитревский.

Власть и „советские“ служащие.

(О выборах в советы).

Власть т. е. партия большевиков при последних выборах в советы привлекла к широкому участию в выборах так называемую „трудовую интеллигенцию“—весьма многочисленную группу служащих бесчисленных советских учреждений.

Что это значит?

Что значит, что партия, за которой еще так недавно шли массы, которая считает себе партией пролетариата, которая еще так недавно называла интеллигенцию мелко-буржуазной, а теперь продолжает считать белогвардейской, что значит, что эта партия приглашает интеллигенцию, к выборам в советы, превращенные властью в правительственные учреждения, ставящие штамп на изделиях партийной кухни.

Ту самую интеллигенцию, которая, несмотря на мировой рост революции, продолжает мечтать об учредительном собрании, которая теперь менее чем прежде верит в творческие силы народа, которая никак не может разобраться в происходящем и, измученная голодом и неумелыми насильническими действиями власти, готова ринуться в об'ятия Деникина, Колчака и прочих призраков умершего строя.

Почему это?

Неужели власть уверена в том, что интеллигенция стала сочувствовать правительственной партии?

Нет. Власть знает настроение интеллигенции.

Или быть может власть чувствует себя настолько прочной, что может допустить к управлению народом даже и тех, кто не сочувствует ей.

Но трудно говорить о прочности власти партии большевиков, когда вся эта партия насчитывала только 310.000 членов (теперь после перерегистрации их конечно много меньше), когда крестьяне не хотят давать хлеба органам этой власти, когда рабочие, сознавая невозможность свержения власти в дан-

ный момент, терпят ее, со скрежетом зубов вынося те пытки, которым их подвергает, в лице бесчисленных комиссаров, именующая себя „народной“, власть.

Тем более нельзя предположить, что власть хочет превратить советы в говорильни, допустив туда всех.

Нет. Не в этом причины обращения власти к интеллигенции, привлечения ее к выборам. Эти причины лежат в другой плоскости.

Массы недовольны стоящей у власти партией, задушившей революционное творчество. Они не хотят возврата к старому, но не хотят и остановки. Массы желают идти вперед, к довольству и свободе и идти теперь же. Они не желают терпеть насилий даже от советской власти.

Позиции власти слабы. Народ против диктатуры. Громадное чудовище, именующее себя государством, душащее свободу личности, свободу масс, может существовать только, имея чиновничий, бюрократический аппарат. „Укрепление завоеваний революции“, как говорит власть, а в действительности остановка революции ставшей властью, когда-то революционной партией большевиков, повела к централизации, к созданию того аппарата при помощи которого правящая партия могла бы проводить в жизнь насильственным путем свои мероприятия. Централизация управления народом повела к передаче этого аппарата в руки специалистов, людей привыкших управлять, привыкших слепо исполнять веления центра—чиновников. В стремящемся к уничтожению неравенства и привиллегий „социалистическом государстве“ создался особый привеллегированный класс, довольно значительный по своему количеству—специалистов по управлению народом.

Состоя в подавляющем большинстве из чиновников старого режима, пропитанных до мозга костей принципами государственности (мне вспоминается фраза, сказанная одним советским чиновником в своем обращении к подчиненным: „пора понять, что не государство существует для нас, а мы для государства“), эти советские бюрократы скоро задушили своим формализмом живое творчество революции, полностью восстановили старую систему управления, уже уничтоженную революцией.

Социалистические порывы стоящей у власти партии потонули в бумажно-чиновничьем море, превратились, благодаря развившимся до невероятнейших размеров формальностям, в те отвратительные каррикатуры на социализм, которые мы видим в действительности.

Власть партии большевиков была укреплена ценой централизации (власть только этим путем и можем укорениться), путем передачи роли непосредственного исполнителя ее велений не народу, а поставленным над ним чиновникам. Партия пролетариата, с тех пор как она облеклась в одежды государственности, стала над пролетариатом, оказалась в невольном союзе с врагом пролетариата—бюрократией.

Интересы государственности, интересы укрепления власти были поставлены выше интересов трудящихся—интересов революции. Форма восторжествовала над жизнью.

И, как это ни странно, на этой почве в данный момент нашли общий язык—именующая себя „социалистической“ власть и бюрократическая интеллигенция, жаждавшая с самого начала революции твердой власти, пошедшая, не смотря на всю свою ненависть к большевизму, на службу к властвующей партии большевиков.

Привыкшие к исполнению велений центра, не считаясь совершенно с действительностью, „Люди в футлярах“ оказались добросовестными исполнителями велений властвующей партии и тем способствовали укреплению власти. Мало по-малу они даже начали свыкаться с установившимся порядком. Власть стала ценить их верную службу все белее и более повышая оплату их труда. „Советские служащие“, беспрекословные и бездушные исполнители декретов стали надежной опорой власти. Между когда-то революционной партией большевиков и бюрократией был заключен невольный, молчаливый союз против тех, кто по словам власти „вносит дезорганизацию в дело социалистического строительства“, против масс, против самого народа.

Рабочие массы, особенно крестьянство, питающее органическое отвращение ко всякого рода формальностям, после этого еще более отшатнулось от власти. Власти же была нужна опора—голоса, проводящие в Советы ставленников партии. Пролетариат в этом отношении становился мало надежным. Он стремился проявить свою самостоятельность, независимость от партии. „Советская же интеллигенция“, хотя в большинстве она была и беспартийна, могла, в силу присущего ей преклонения пред власть имущими, поддержать правящую партию, если не голосами, то во всяком случае своим молчанием, отсутствием протеста. И власть обратилась к ней за поддержкой, обратилась к тем, кто помогал ей в удушении революции и в укреплении государства. И она не ошиблась. Лишенные инициативы советские служащие не смели помешать властвующей партии произвести комедию выборов и провести от имени их партийных кандидатов.

Власть трубила победу. Превращенные в филиальные отделения партии Советы были в ее руках. Какими средствами удалось ей этого достигнуть, для власти это было не важно—для власти все средства хороши.

Она имела за собой подавляющее большинство в Советах, аппарат власти был в ее руках и она опять могла продолжать властвовать над народом.

Вот, нам кажется, главная, если не единственная причина, которая побудила партию большевиков привлечь к выборам в Советы „советских“ служащих.

Интересы партии, интересы власти, но не интересы революции и народа.

Энкао.

„О совести и сознании“

Когда анархисты говорят, что свое будущее общество они построят на человеческой совести и сознании, то обыкновенно враги анархизма, как сознательные так и несознательные возражают им: „как же вы, „господа“ анархисты можете построить новую жизнь на основе совести, когда этой самой совести то и нет у людей, когда люди смотрят друг на друга, как на врага, как на конкурента в борьбе за существование, когда люди убивают, грабят, поджигают, насилуют, когда каждый день дрожить за свою шкуру за свое благо? Сии почтенные критики анархизма обычно говорят: „да, собственно, анархизм вещь хорошая, но ведь эта мечта, фантазия, никогда не осуществимая! Мы ничего не имеем против анархизма, но как его осуществить, когда у людей совесть потеряна, когда каждый готов перегрызть друг другу горло?“ Но тут почтенные критики останавливаются и не об‘ясняют почему люди так зверски смотрят друг на друга и почему у них нет совести? Некоторые из них конечно об этом и сами не думали, а другие может быт и думали и знают, но не желают об‘яснять, потому что им это не выгодно. Тут уж приходится самим анархистам явиться на помощь и разобраться в этом вопросе.

Разве может существовать совесть, когда все наше благополучие, вся наша жизнь построена на лжи, насилии и обмане, когда каждый индивидуум стремится всеми правдами и неправдами стать хозяином положения?

Разве может человек иметь совесть, когда вместо совести есть закон, который мешает человеку поступать по совести? Нет! При существующем позорном строе человек не имеет совести, он не может ее иметь; вернее: совесть при настоящих условиях жизни является лишней. Закон заменяет нашу совесть. Всемогущим законом придавлена, унижена, заглушена наша совесть. Перед законом мы отвечаем за свои поступки. Перед чужой совестью мы отвечаем, а перед своей совестью мы не можем отвечать, не можем действовать, прислушиваясь к голосу своей собственной совести: закон нам мешает. Но ведь закон писали такие же смертные люди, как и мы. Разве они не могли ошибиться? И почему именно десятки миллионов людей не имеют права поступать со-

гласно голосу своей совести? И наоборот почему, несколько человек не только могут поступать так, как им заблагорассудится, но даже миллионы людей заставляют поступать по своему желанию. Возьмем пример, самый простой и самый наглядный из действительной жизни. Власть, опирающаяся па закон, говорит человеку: „иди и убивай!“ Совесть же не позволяет чоловеку убивать. Тогда власть говорит: „если ты ослушаешься, то будешь изменником родины и, как таковой, будешь наказан!“ И, так власть сильна, человек идет и убивает своего брата против голоса своей совести, против своего желания. Ясно, что совесть здесь совершенно лишняя, так как человек не может поступать так, как подсказывает ему совесть. Ему противно убивать, но закон приказывает, и он убивает. А голос совести заглушен. И так везде и всюду, во всех областях нашей многогранной жизни, во всех наших поступках и желаниях неизменно совесть каждого из нас сталкивается с законом; происходит короткая борьба и закон побеждает, во первых потому, что он опирается на силу и авторитет науки, а во вторых, потому что условия жизни заставляют подчиняться закону, а не совести. Совесть же остается задушенной, оплеванной, человеку приходится отбрасывать ее от себя как что нибудь не нужное и лишнее. Но не надо думать, что совесть уничтожена, похоронена и никогда не воскреснет. Нет! Она только скована железными цепями государства и авторитета! Она только спит, но она живет в каждой живой душе и чаще и чаще просыпается от своего тяжелого долгого сна и рвет одну за другой цепи насилия и закона. С каждым днем все больше и больше падает авторитет отдельных личностей, с каждым моментом закон теряет свое влияние, а на ряду с этим возрастает самодеятельность каждого индивидуума, просыпается и развивается совесть и настойчиво требует от человека ответственности за совершенные поступки. И чем больше будет падать авторитет закона и власти, там больше наша совесть будет развиваться и укрепляться. Совесть займет место закона и мы будем жить не по приказу закона, а по голосу и велению своей совести. И никто уже не помешает нам отвечать перед ней за свои поступки, так как не будет больше писаных законов, а будет лишь один закон,—закон, написанный перстом справедливости в каждом человеческом сердце. Этот закон будет—наша совесть.

Вот все то, что я хотел бы сказать всем этим писакам и критикам из лагеря противников анархизма. Еще я бы у них спросил, имеют ли они сами совесть и живут ли они по совести, или же по бумажным законам? Я не сомневаюсь, что они „законники“. Если это так, то отсюда можно извлечь и ответ на все их отчаянные вопли о бесчестности и бессовестности людей. Ответ же может быть только такой: „люди не живут по совести потому... потому что они живут по закону“.

Н. Дружинин.

3-го Декабря 1917 г.

Бунтарь.

„Вестник света и свободы,
Ангел смерти теней тьмы.“

Под черным Анархии знаменем,
С дышащим отвагой челом,
С пылающим огненным взором,
С мечем обнаженными в руке,
Мечом разрушения — молотом творчества
—Он весь воплощенье стремленья вперед.
Среди тьмы вековой мира рабского
Он факелом ярким горит.
Гордый, смелый, решительный,
Враг всяких властителей.
Всех угнетенных зовет на борьбу,
Всех призывает свободными стать.
В буре рожденный, увидевши свет,
Тьму ненавидит и гнет,
Рабство и власть презирает;
С ними идет на борьбу.
Дух человека от рабства спасает.
Веру в себя человеку дает.
К творчеству жизни зовет.
Сам начинает творить.
Цепи веков разрывает,
Веру во власть разбивает,
Мощь в угнетенных вливает.

***

Больше и больше становится нас,
Честно и прямо мы к цели идем,
Тьму вековую рассеем,
Мир весь разрушим насилья и гнета.
Собственность с властью в могилу зароем,
Труд и свободу мы в мир воплотим.
Братство людей всей земли создадим.

ОН

На Украине.

События мчатся с головокружительной быстротой. Политическая обстановка меняется почти ежедневно. Еще не так давно казалось, что уже вспыхнул пожар мировой революции: в Германии, Австрии, на Балканах и в других странах центральной Европы начиналась революция; в Венгрии она уже докатилась до Советской республики, этой новой формы государственности. В Испании и в особенности в Италии казалось тоже начинается революционное брожение масс. Внешне спокойным оставались только Франция, Англия и Америка, но и оттуда изредка проскользывали известия, дающие повод думать, что „На Шипке не все спокойно", что угар победы постепенно проходит, что „Лига наций" лопнет, в конце концов, как мыльный пузырь, и измученные пятилетней бойней массы восстанут, наконец, против своих поработителей. Латвия, Литва, Белоруссия, Украина, Крым воссоединились с Р. Ф. С. С. Республикой.

Такова была картина политического горизонта 2—3 месяца тому назад. Ныне она совсем иная: почти все составные части Российского государства,—Латвия, Литва, Белоруссия, Крым, большая часть Украины снова под пятой черной реакции; под напором контр-революции пала и Советская Венгрия.

Одновременно с этим увеличилась территория Р. Ф. С. Р. на востоке: более чем на тысячу верст отогнан Колчак, пытавшийся походом на Москву реставрировать прежнюю Россию. Потеря богатых сырьем и продовольствием Крыма, Донецкого Бассейна и Украины таким образом компенсирована.

Какова же будет эта картина завтра я не берусь предсказывать: это не входит в задачи моей статьи. Я собираюсь лишь подчеркнуть ошибки прошлого и указать причины создавшегося политического момента.

* * *

Остановлюсь на Украине, которая, по-моему, еще не потеряна для революции (наоборот, Украина ближе чем какая бы то ни было из других стран к подлинной Социальной революции), и которая дает наиболее богатый и наиболее ценный матерьял.

Каковы причины похода и успеха Деникина—с одной стороны и неудачи Советской власти—с другой стороны?

С точки зрения марксизма (экономического материализма) причину всякого социального явления должно искать в экономике, хотя какова сущность этой экономики в данном случае, вряд ли кто из марксистов с'умеет об'яснить. Я не принадлежу к марксистам. (ни к ортодоксальным, ни к ревизионистам) а потому не собиралось таким упрощенным способом об'яснять социальные явления, вытекающие всегда из многих причин, на которых (конечно не на всех) я сейчас и остановлюсь.

Прежде всего о расхождении взглядов масс и „рабоче-крестьянского“ правительства, точнее Ц. К. партии коммунистов, на революцию, ее задачи и пути.

Двухлетний опыт революции подсказал многим порабощенным на Украине, что своего освобождения они достигнут собственными усилиями, а не при посредстве власти. Власть, в какие бы тоги она не облекалась, по существу всегда контрреволюциона. *Существование в одно и то же время революции и власти не при каких обстоятельствах не совместимо.* Революция стремится вперед, к свободе, власть же (даже и „революционая“) стремится удержать буйный порыв массы, укротить, усмерить взбунтовавшихся рабов, иначе говоря, закрепостить человека.

В самом деле, сколько властей переменилось на Украине?

Сидел Николай, его сменил Гучков с Милюковым, затем пришел Керенский с Церретели. И что же изменилось по существу? Ничего! Нельзя же назвать то расширение политических свобод или же экономические реформы (восьмичасовой рабочий день, повышение заработоной платы, возрождение профессиональных, соглашательского типа, союзов и. т. п.), которые были достигнуты при временном правительстве чем-то переосуществляющим старый общественный строй, строй рабства и эксплуатации? Все это были обыкновенные реформы (изменяющие внешний вид), достигаемые с таким же успехом и обыкновенным парламентарским путем. Примером может служить хотя бы Англия, где при посредстве парламента достигнуты уже не только 8 но даже и 7 и 6 часовой рабочий день в некоторых

отраслях труда, где более ста лет тому назад этим же путем добыто право на существование нодобного рода профессиональных организаций, где даны политические свободы, но где в тоже время все же существует наемный труд и государственное порабощение человека. Всякому не мудрствующему лукаво становилась очевидной недостаточность достигнутых революцией результатов, имевшей своей целью лишь смену одних властелинов на других, развивающейся путем партийно—политических переворотов. Массы решили к конечной цели своего освобождения идти иными путями. И пошли: одни через самостийность, другие путем непосредственного без'отлагательного переустройства некоторых сторон экономической жизни общества. Последним путем пошло крестьянство, которое само, без помощи какого бы то ни было правительства и парламента, начало отбирать от помещиков землю. Это до известной степени непосредственное революционное строительство своей жизни сыграло впоследствии огромную роль в дальнейшем ходе революции: попытка «сердобольного» «пана Гетмана» Скоропадского возвратить при помощи немецких штыков помещикам, отобранную у них крестьянами, землю послужила новым толчком для дальнейшего развития революции.

Совершенно другую роль сыграли и играют еще и теперь, те, которые пошли путем самостойности. Отвлекая массу от непосредственной задачи революции,—всестороннего раскрепощения человека,—на путь *борьбы за власть* они тем самым сознательно и бессознательно, прямо и косвенно, очищали путь контр-революции и черной реакции, несущей человечеству рабство, убийство, казни, кровь и слезы, и снова кровь и слезы. Под их влиянием и непосредственным «идейным» руководством пошла снова прежняя игра, кровавая чехарда властей: Петлюра, большевики, опять Петлюра, опять большевики и опять Петлюра (на этот раз уже с немцами), Гетман, и снова Петлюра, а за ним снова большевики и, наконец, сейчас с одной стороны все тот же Петлюра, с другой стороны все те же большевики, с третей стороны Деникин, с четвертой—поляки. Итого пятнадцать властей в течении 2-х с половиной лет (три власти до самостийности и двенадцать властей после самостийности). А если прибавить к этому ту уйму мелких „любитлей“ власти Соколовских, Зелных, Григоревых, Тютюнюков, „Ангелов“ „Архангелов“ и т. д.), которыми кишмя-кишит Украина, то в неко-

торых местностях за последний год, — на лицо почти ежемесячная смена правительств. (опыт до которого не доходили даже вольнолюбивые новгородцы, упражнявшиеся довольно часто в „выбитьи вон из земли“ зарвавшихся во властвовании князей).

Что же подсказывало массам это последнее явление?.. Очень многое и главным образом противоположность задач и путей *революции и власти*. В результате всего этого получилось полное разочарование и абсолютное недоверие масс ковсякой власти, на что еще не так давно жаловался Л. Троцкий в Питерской „Правде“ (кажется в статье о „партизанщине—махновщине“—хорошо не помню).

Я не думаю сказать этим, что массы на Украине восприняли анархизм. Нет, конечно нет! Массы на Украине постепенно очень и очень медленно усваивают отдельные лишь моменты анархизма. Возможно, что еще десяток, другой, лет такого богатого опыта и они станут анархистами. Сейчас же они лишь в известной степени *анархиствующие*. Между же *анархистами* и *анархиствующими*, дистанция довольно приличного размера.

* * *

Итак, разочарованные во власти, не питающие больше никакого доверия к ней, массы намеревались приступить к устройству своей жизни самостоятельно, без помощи разных указчиков.

Как же отнеслась к этому намерению „Советская“ власть?

Она решила сразу же, в корне, пресечь это „необузданное своеволие“. Завязалась борьба, в результате которой то там, то здесь вспыхивали восстания, появлялись так называемые „банды“, кадр которых пополнялся примущественно разошедшимися с правительством во взглядах на задачи и пути революции, т. е. недовольными политикой „Советской“ власти. Причин даного недовольства было сколько угодно. Опыт Великороссии прошел, как было видно, для „рабоче-крестьянского“ правительства бесследно: оно пошло старой проторенной дорожкой, неоднократно уже осужденной раньше и самой большовитской прессой. Шаг за шагом. методически и систематически „рабоче-кресгьянское“ правительство Украины повторяло ошибки Великороссии; насаждая комбеды, разгоняя не коммунистические (по своей партийной окраске) советы, посылая реквизиционныя отряды в деревню,

устанавливая заградительные отряды, усмиряя крестьянские (далеко не кулацкие) и рабочие волнения вооруженной силой, запрещая всякое свободное (письменное и устное) правдивое слово и т. д. и т. д. Если подобная тактика принесла в Великороссии плюсы большевикам, то на Украине, где массы (в особенности крестьянские), против которых направлялась преимущественно политика „Советской“ власти, почти два года открыто боролись за свое *освобождение*, она привела к противоположным результатам—волнения учащались и усиливались... Для подавления этих волнений имеющиеся в наличии военные силы были недостаточны, необходимо было, следовательно, пополнить ряды красной армии, а пополнить можно было только принудительным набором, ибо добровольцев для подобных операций не находилось. Принудительная мобилизация вновь усилила количественно ряды „банд“, не желающими идти в ряды красной армии. Увеличились и ряды признанных еще в то время „банд“—*повстанческих отрядов*, ведущих борьбу с деникинцами. Свободный дух и благородные цели повстанчества многих, подлежащих призыву по мобилизаци заманил к себе. Говорю о Махно и „махновщине“ так много своевременно нашумевших.

* * *

Краткая история повстанчества вообще и „махновщины“ в особенности такова.

В период хозяйничания немцев на Украине, в период „выкалачивания“ хлеба победительницей Германией, организовался отряд около 50 человек из ограбленных, порабощенных крестьян во главе с Махно для борьбы с немецкими и русскими грабителями. Попытка активной организованной борьбы была удачна и это предрешило судьбу дальнейшего повстанческого движения. Крестьянство поняло, что для борьбы, для защиты своего труда, прав ему необходимо сорганизоваться; и чем сильнее, плотнее, теснее оно будут сорганизовано, тем удачнее и легче будет его борьба.

Вокруг маленького отряда Махно начали сплачиваться все недовольные, ограбленные, порабощенные и крестьяне и горожане. И к концу 1918 года отряд Махно насчитывает в своих рядах уже тысячи восставших борцов.

Повстанческое движение охватывает постепенно всю Украину. Десятки и даже сотни тысяч борцов восстали на освобождение

порабощенной страны. Немцы и белогвардейские добровольцы пытались подавить этот организаванный массовый бунт. Но несмотря на превосходство своих технических сил, на превосходство своей организации, дисциплины и даже количественное превосходство они не смогли устоять против революционного массового движения, организованного в свободное повстанчество. В течении 3-х. месяцев Украина была очищена от белогвардейцев и немцев повстанчеством.

В этот момент появляется Петлюра, и прежде всего пытается подчинить себе повстанчество. Потерпев неудачу, он старается наладить хотя бы контакт с повстанчеством, опереться на него в первое время своего господства, впредь до возвращения обратно бежавшаго победоносного немецкого войска, с помощью которого ему уже удалось однажды, хоть и на очень короткое время, подчинить себе Украину и с помощью которого, быть может, надеялся теперь укрепиться получше и надольше. Затеянная авантюра провалилось и Петлюре пришлось спасаться со своей свитой от революционной Украины в Галиции.

Пришла „Советская“ власть. Украинцы, начавшие еще до ея прихода строить свои *трудовые советы* встретили радушно и большевиков и красную арммию, и „советскую“ власть. Между красной армией и повстанчеством сразу же стала налаживаться товарищеская контактная работа для борьбы с белогвардейцами.

Но если между красной армией и повстанчеством налаживалась совместная работа, то между властью и повстанчеством произошел сразу же разрыв. С первого же момента своего прихода „Советская“ власть, относясь подозрительно ко всему возникшему против ее воли, организованно повела наступление против повстанчества вообще и Махно в особенности.

Началось с травли. Когда же это не привело к желаемым и ожидаемым результатам, приступлено было к восхвалению Махно и его отряда, разросшагося к тому времени до десяти тысяч человек. Восхвалением этим надеялись перетянуть Махно окончательно в свои ряды и тем самым подчинить возглавляемое им движение себе. Правительственные органы, еще не так давно лившие грязь на Махно и его товарищей, обвиняя их в бандитизме, запели сразу хвалебные гимны его революционности, преданности делу революции и „Рабоче - Крестьянскому“ правительству (смотрите периодическую печать за декабрь 1918 года, январь, февраль 1919 г.). Махно, по природе революционер, относился совер-

шенно безразлично ко всем этим выходкам „революционеров“. Он спокойно оставался на баррикадах революции, ведя все время упорную борьбу с Деникиным, освобождая угнетенных из под ига капиталистов, банкиров, помещиков и кулаков.

Силы отряда Махно росли с каждым днем, благодаря, многим, указанным отчасти уже мною раньше причинам, но все же они были недостаточны для окончательной победы над деникинцами. Махно нужно было пополнить каким либо способом ряды своего отряда.

Каким же способом?

Вот здесь то и была допущена крупная почти непоправимая ошибка.

Собравшийся к тому времени с'езд крестьян и рабочих Гуляйпольского района, (по чьему совету—неизвестно), постановил об'явить „добровольную“, поголовную мобилизацию всего мужского населения, годного носить оружие (мобилизация коснулась, кажется, призывных последних десяти лет *).

Этот „добровольный“ призыв увеличил количественно ряды „повстанческой“ армии на десятки тысяч бойцов. Но был ли то большой плюс? Думаю, что нет, ибо в ряды повстанчества попали теперь массами и *безразличные к революции* вынужденные „добровольной“ мобилизацией идти под ружье и просто *хулиганы*.

Последнее обстоятельство вскоре же обратило на себя внимание товарищей. Был кликнут клич ко всем анархистам и революционерам (без ковычек) бросить центры, города и идти

---

*) Нельзя обойти молчанием эту нелепую, с одной стороны «добровольную», а с другой стороны обязательную для всех, т. е. принудительную мобилизацию. Из двух одно или она была добровольная, тогда не при чем принудительный набор, или она была принудительная, но тогда нечего было прикрываться флагом добровольности. Наивно, конечно, обосновывать добровольность этой мобилизации, как это пытаются сделать некоторые анархисты, тем что она была санкционирована и даже об'явлена с'ездом крестьян и рабочих, выборы на который были «вполне свободны». Что такое выборы, даже и «свободные выборы», мы анархисты это прекрасно знаем. Этими красивыми словами нам не должно обманываться—это с одной стороны. С другой стороны, даже самые свободные выборы не дают права выносить какие бы то ни было обязательные для всего населения решения и постановления, в особенности если они не предусмотрены наказами с мест. Предусмотренности же того вопроса в местных наказах при ознакомлении с материалами с'езда—не видно, и я на то обращаю серьезное внимание анархистов защитников этой «добровольно-принудительной» мобилизации.

просвещать и революционизировать (словом и делом) „повстанческую“ армию. Широкой волной двинулись идейные товарищи на работу в Гуляйпольский район. Работа закипела. Было сделано колоссально много по улучшению качества армии. Много работы было сделано и для пропаганды анархизма. Но для меня нет сомнения, что даже в том случае, если бы количество идейных работников было в десять раз больше (на чем настаивали и настаивают поклонники повстанчества) и работали бы они в сто раз интенсивнее,—разложения и предстоящей катастрофы—гибели повстанчества—не удалось бы избежать.

Как не велико значение просвещения, но его одного мало для революционного воспитания масс. Это нужно запомнить раз навсегда. Идейной работой, пропагандой и агитацией, просвещением вообще и революционной работой некоторых товарищей на некоторых постах можно было достигнуть лишь кое какой подготовки психологической почвы для будущей революции, которая и дала бы революционное воспитание; можно было также этой работой отдалить момент неминуемой, неизбежной катастрофы — гибели повстанчества, — на большое надеяться нельзя было. И действительно, спустя некоторое время, начался процесс разложения. В „повстанческой“ армии началось пьянство, хулиганство, грабежи, убийства и т. д. — все то, что ведет *все* неминуемо к гибели.

Одновременно с той внутренней подтачивающей силой шел, правильнее продолжался, натиск на повстанчество, точнее на уродливую его форму—«повстанческую» армию, извне.*) Количественное усиление рядов «повстанческой» армии беспокоило сторонников и защитников регулярной армии. Как бы не была качественно плоха „повстанческая“ армия, она все таки превосходила Украинскую красную армию. Главное же было то, что ее существование усугубляло возможность развития идеи подлинного повстанчества. А повстанчество подлинное (революционное

*) Я называю «повстанческую“ армию уродливой формой повстанчества и беру слово „повстанческая“ все время в кавычки потому, что *армия*, покоющаяся на принудительном наборе, и *повстанчество*, покоющееся на добровольном вхождении в его состав, — *два совершенно противоположных и ни в коем случае несовместимых понятия*. Понятие «повстанческая» армия равносильно понятиям: «государственный» анархизм, «анархический» социализм, «пролетарская» культура, «паровая» конка, «электрическая» керосинка, „белая“ сажа, „жаркий“ холод, „честный“ шулер, „смелый“ трус и т. д.

по своему существу, организованное на началах добровольного вхождения в него, самодисциплины, выборности руководителей, об'едененное снизу вверх на принципах договорного соглашения отдельных первичных отрядов) не могло ни в коем случае служить опорой власти. Такой опорой могла служить лишь красная армия (революционная лишь по своей форме, по своему названию, построенная, как и всякая армия, на началах принудительного набора, строгой иерархической подчиненности назначенным начальникам, железной, бездушной, превращающей человека в маникен, дисциплины и полного мертвящаго, сверху исходящего централизма.)

Власть и революция, повторяю, *несовместимы*. Скажем даже более: *власть и прогресс* несовместимы. Всякая власть стремиться застопорить движение вперед политической жизни общества. Это одинаково верно, как в мирное так и в революционое время. Как только революция выдвигает ту или иную власть, она застывает в своих последних формах развития. И чем энергичнее и активнее революцонное правительство в подавлении всего антиправительственного (именуемого всегда почему-то „контрреволюционным") чем смелее оно приступает к реформам, намеченным при его зарождении массами (реформам всегда лишь кажущимися существенными), тем продолжительнее его существование и тем заметнее и ощутительнее становится замедление поступательного движения общественной жизни, тем очевиднее замирание общественного прогресса. То же самое можно сказать и о мирном времени. Если же в течении XIX века наблюдается некоторое усиление в темпе прогресса общественной жизни, то оно об'ясняется всегдашней борьбой за власть различных слоев населения, борьбой мирной, заканчивающейся всегда сменой кабинетов. Коль скоро тот или иной кабинет осуществляет максимум того, что он может осуществить из обещанных при своем вступлении улучшений, он уступает свое место новому кабинету, выдвинутому наиболее сильной политической партией. Новый кабинет, осуществив максимум возможного для себя, заменяется новым и так без конца. Смена кабинетов, как в революционное так и в мирное время, имеет огромное значение для общественного прогресса: она служит его импульсом. Не будь этой смены жизнь общественная замирала бы по нескольу сот лет, как это было в России, в одних и тех же формах. Но как не велико значение в прогрессе смены ка-

бинетов оно всетаки ничтожно в сравнении с значением индивидуального и массового творчества.

Но вернемся ближе к теме: борьбе власти с повстанчеством. В тот момент, когда повстанчество гнало Деникина все дальше и дальше, подходя уже близко к самому Ростову, „Советская“ власть решило окончательно покончить с повстанчеством. Захватив в свои руки всю промышленоость, в том числе и военную, она стала отказывать повстанчеству в вооружении и обмундировании. Одна винтовка обслуживала в некоторых повстанческих частях до 10 человек. Патроны отпускались из складов, находящихся довольно далеко от театра военных действий, по нескольку штук на винтовку и то довольно редко. В последне время отпускали патроны по несколько штук на задание (если не ошибаюсь по три штуки)*]. Нужно заметить, что *повстанчество все время подчинялось боевым распоряжениям «Советской» власти.* Она отстаивало только принцины своей организации и распорядка внутреннем жизни.

Не лучше, и гораздо хуже обстояло дело и с обмундированием повстанчества: голые и босые—вот какова была картина.

Этим техническим, или правильнее, материальным обезкровливанием возможно безсознательным „Сов.“ власть надеялась сломить непокорное повстанчество и подчинить его себе окончательно. Вопрос о могущем последовать (благодаря технической и материальной слабости повстаичества) наступления Деникина или не принимался во внимание или же отодвигался на второй план, в надежде, что с ликвидацией повстанчества быстро будет ликвидированно и наступление Деникина, если таковое последует.

Созываемый на 15 ое июня с‘езд Гуляйпольского района был воспрещен, а весь Штаб Махно за созыв этого с‘езда был предан „военно-революцинному“ суду. Это было началом конца, формальным, так сказать, моментом в действиях “Сов.“ власти, которая нашла, наконец (очень неудачно, нужно заметить), повод для своих решительных и прямых действий. Дело в том, что Штаб Махно вовсе и не думал созывать этот с‘езд, его созывал комитет или комиссия (названия точно не помню), избранная специально для этой и других целей на предыдущем апрельском с‘езде. При-чем же здесь был Штаб Махно? Это так и

*) См. об этом Украинский „Набат“ №№ 19, 20, 21, 22 и „Путь к свободе“ №№ 1, 2, 3.

осталось покрыто мраком неизвестности для всех интересующихся борьбой между повстанчеством и властью.

Повстанчество не желало подчиняться знаменитому приказу о воспрещении с'езда: оно было глубоко убежденно, что крестьяне и рабочие, ведущие два года рабоче-крестьянскую революцию, имеют право собраться, для обсуждения своих наболевших вопросов, и никто не в праве им запретить это делать. Повстанчество решило лишь силе покориться. И на повстанчество была двинута эта сила в лице верных „Советских" войск. Одновременно с этим натиском «Советской» власти началось, как и следовало ожидать, наступление Деникина. Стиснутое с двух сторон повстанчество было побеждено, но оно не покорено.

Махно, потеряв своих близких верных товарищей по Штабу, растреленных «Сов.» властью (как белогвардейцы и контрреволюционеры) в Харькове (какой позор и ужас!) некоторое время вынужден был скрываться от «Сов.» власти и Деникина (последним голова Махно была оценена в несколько миллионов рублей) В настоящее время по имеющимся сведениям Махно со своим отрядом работает в тылу у Деникина. Численность его отряда достигает вновь десяти тысяч человек. Им заняты города Мелитополь, Александровск и другие. Таким образом, повстанчество вновь возродилось, чтобы освободить свою страну от ига черной реакции и дать возможность своему народу творить вольно новую жизнь на началах: Свободы, равенства и братства*). Но нет сомнения, что если в повстанчество будет также, как прежде безразлично к элементам, входящим в его состав, элемент подчас и не редко прямо таки бандитский и хулиганский оно погибнет, не исполнив своей высокой задачи.

(Окончание следует).

П. Руденко.

Зов Черному знамени.

Посвящается А. Кусикову.

Ярких песен хочу,
Смелых зовов,
Черных дней и порывности.
Звонких сказок хочу,
Бурных кликов.
Дней осенних призывности.

19—31|VIII—19 год.

Мартовская.

---

*) Подобную историю „махновщины" см. «Набат» №№ 19, 20, 21, 22 Одесский „Набат" 7, и „Путь к свободе" №№ 1, 2, 3.

Хроника.

Наш единомышленик и тов., бывший редактор газеты „Голос Труда“ и Украинского „Набата“, известный Питерским революционным рабочим, как лектор и митинговый собеседник, Всеволод Волин, захвачен при его переезде из Одессы в Киев, одной из озверевших банд, кровавого и продажного атамана буржуазной Украины, Петлюры. Вместе с Волиным был, также, тов. Эмигрант Иосиф, сотрудник газеты „Украинский Набат“ и казначей Конфедерации „Набат“. По одним сведениям, Эмигрант Иосиф растрелян бандитами за свое происхождение из еврейской семьи, Волина же до сих пор ставленики буржуазии содержат под крепким замком. Бандиты, очевидно, бессильные придраться к нему, как к еврею, придумывают другие способы мести, расправы со своим идейным противником.

По другим сведениям тов. Эмигрант Иосиф жив. Ему совместно с тов. Волиным удалось вырваться из рук петлюревцев и бежать в район занятый партизанами, оперирующими во главе с Махно, где он и вместе со всеми остальными партизанами защищают занятые повстанцами позиции и освобождают Край от капиталистов-помещиков, нахлынувших как стая воронов, на измученную произволом властей, но все еще революционную Украину.

* * *

В ходе работ по пропаганде печатным словом идей анархизма последние месяцы заметно стало оживление.

Издательством Конфедерации Набат выпущен целый ряд брошюр и книг. Издательство ставит себе целью давать трудящимся дешевую и доступную для всех книгу. Из крупных изданий „Набата“ укажу П. Кропоткина, „Взаимопомощь как фактор эволюции“, Сборник „Хлеб и Воля“, В. Волина „Революция и анархизм“, Ж. Грав „Будущее общество“, Э. Малатеста „Анархизм“ и „Крестьянские речи“.

Издательством Союза, Анархо-Синдикалистов, „Голос Труда“ выпущено из крупных произведений Ж. Грав „Будущее общество“,

М. Бакунина, „Государственность и анархия“, Э. Малатеста, „Сборник статей по анархизму“, П. Кропоткина „Хлеб и Воля“ (под новой редакцией автора) Издательство заканчивает печатаные 2-го тома Бакунина, „Кнутогерманская империя и Социальная Революция“, Черкезова „Доктрины Марксизма“, сборник статей до синдикализму под редакцией А. Шапиро и другие.

Считаясь с переживаемым нами кризисом в области бумажного, химического и текстилрного производства можно сказать, что внешняя сторона изданий выполнена довольно акуратно. Внешность изданий „Голос Труда“ несмотря на то что издания выпушены на лучшей бумаге чем издания „Набата“, не на много отличается от других изданний выпускаемых за последнее время разными издательствами. Очевидно этому служит причиной неакуратность в исполнении со стороны опустившихся под влиянием времени типографских работников. Внешняя сторона изданий выполнена довольно аккуратно.

Печально, что нет связи межлу различными организациями по пропаганде идей анархизма печатным словом. Одни и те-же труды одного и того же автора выпускаются одновременно несколькими издательствами. Не лучше было бы еслиб одно из издательств занялось бы изданием не печатанных еще за период последней революции книг, вместо того чтоб повторять одно издание несколько раз, создавая этим скучное однообразие.

* * *

В скором времени в Москве выйдет еще один Анархический орган печати. Группа синдикалистов „Голос Труда“ готовится к выпуску периодического журнала под названием „Голос Труда“.

* * *

В городе Г. возник Красноармейский Союз Революционных — Интернационалистов „Гроза“.

Задачи союза:

а) Саморазвитие и образование, устройство собеседований членов союза, а если обстоятельства позволят, то и митингов и лекций среди широких масс.

б) Распространение революционной литературы в особенности и преимущественно анархической. Кроме того, союз ведет активную борьбу со всякой контр-революцией, откуда бы она не исходила и зовет обездоленных к Социальной Революции к полному само освобождению трудящихся от ига власти и капитала!!

Секретарем союза избран тов. Т. старый работник—анархист, отбывший в царских тюрьмах около $1^1/_2$ года и 3 года в ссылке.

* * *

По постановлению Комиссара Печати, Агитации и Пропаганды книжный магазин союза анархо-синдикалистской пропаганды „Голос Труда" оштрафован на 20.000 р. за нарушение декрета об отпуске книг более чем на 1000 р. одному покупателю.

Говорить о том, что анархисты не подчиняются декретам, когда они бессмысленны и не соответствуют требованиям момента, не приходится. Что же касается экстро ординарных мер, необходимых для правильного распределения книг между покупателями, то необходимо отметить, что здесь анархисты еще за несколько недель до указанного декрета решили частным лицам литературы не отпускать, за исключением анархической. Общественным же организациям, школьным, клубным и пр. библиотекам решили отпускать в ограниченном количестве. И вот после того, как одному из уездных отделов народного образования было отпущено книг более чем на тысячу руб., Комиссар Печати, Агитации и Пропаганды наложил штраф в 20.000 р. на магазин „Голос Труда", причем штраф должен был быть уплачен натурой т. е. книгами по разценке государственной власти. 12-го сентября был послан агент для взыскания штрафа, но анархисты отказались подчинится этому безразсудному требованию. Самолюбивая власть решилась привести в исполнение свое постановление силою.

13-го сентября был послан вооруженный отряд для реализации штрафа. Представитель власти еще раз обратился с требованиям к сотрудникам уплатить штраф, угрожая в случае отказа арестом. Сотрудники магазина отказались, как уплатить штраф, так и выдать ключи от магазина. Представители власти взломали замки и приступили „к исполнению" и удовлетворению своего больного самолюбия.

Общее собрание Питерского клуба пропаганды идей анархизма, заслушав в своем заседании от 17-го сентября сообщение о происшедшем насилии, знаменующем начало эпохи борьбы государственной власти с *идейным* анархизмом, вынесло резолюцию протеста, которую решили довести до сведения трудящихся г. Петрограда.

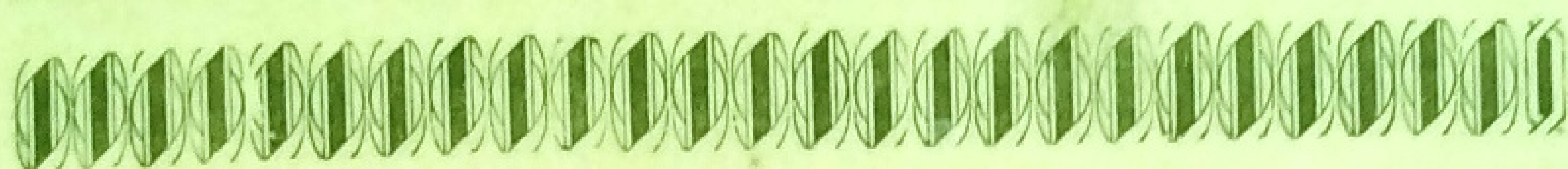
* * *

Еще один характерный момент из эпохи борьбы с идейным анархизмом. 7-го октября по ордеру Петроградской чрезвычайки в Питерском клубе пропаганды идей анархизма был произведен тщательный обыск и арестованы все находящиеся там анархисты. Арестованных продержали двое суток в камерах, допросили и, не найдя поводов, к каким можно было бы придраться, выпустили на свободу, как арестованных, вероятно, „по недаразумению". Когда же интересно прекратятся эти „недоразумения" и господа властелины поймут, что идею не убить не тюрьмой, не обысками вообще [illegible] какими насилиями?

Г. М.

Редакция: **Редакционная Коллегия**.

П. 1956 г.
Акт № 4-312/3

Питерский Клуб пропаганды
ИДЕЙ АНАРХИЗМА

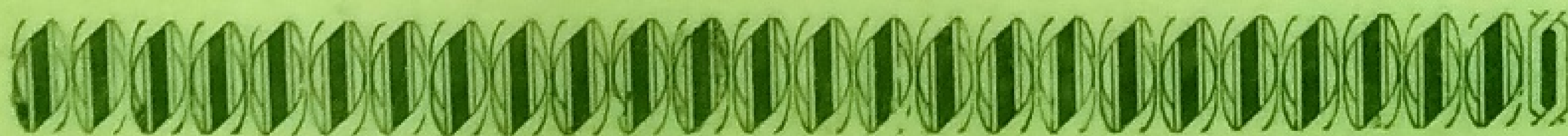
устраивает в своем помещении **(Жуковская № 38, кв. 22)** ряд собеседований на различные темы по анархизму и другим вопросам.

Программа собеседований на ближайшее время:

Суббота, 27 сентября — „Анархизм“.
„ 4 октября — „Различные течения Анархизма“.
„ 11 „ — „Анархизм и Экономический материализм“.
„ 18 „ — „Анархизм и Социализм“.

Начало собеседований **РОВНО** в **7** часов вечера.

Вход свободный для всех.

27

П 23
22 96

Питерский Клуб
пропаганды
Идей Анархизма

помещается на **ул. Жуковского № 38, кв. 22** (вход со двора).

При клубе имеется

библиотека — читальня.

Библиотека—читальня открыта по понедельникам, вторникам и субботам от **6** до **10** час. вечера.

Общие собрания клуба по вторникам от 6 час. вечера.

Редакция „**Вольного Труда**" помещается в Питерском клубе пропаганды идей анархизма (Жуковская № 38, кв. 22).

Прием по делам Редакции по понедельникам от 6 до 9 час. вечера.

Присланные в редакцию статьи и рукописи должны быть переписаны *четко*, на одной стороне листа.

Деньги за журнал „**Вольный Труд**" просят высылать только по следующему адресу: Петроград, пр. Володарского, № 56, Книгоиздательству союза анархо - синдикалистов „Голос Труда" для журнала „Вольный Труд".